Кирилл Аваев

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

КНИЖКА С КАРТИНКАМИ

ЧАСТЬ 1

С картинки и начну.

Картинка 1 ПРО БАНЮ

Построил один мой знакомый баню.
– Зачем, – спрашиваю, – тебе вторая баня?
– Как зачем? Для друзей!
Парень он богатенький. Соответственно, и баня не бедная. Заехал я к нему по какому-то делу, а он уболтал заглянуть в новую баню – посмотреть. И запел…

– Вот тут, на втором этаже, комната отдыха. Диван, стол, холодильник, библиотека, все дела… Бар – пойло, какое хочешь. Все, как положено. Агрегат для розлива пива из кеги – с охлаждением. Сейчас еще не все доделано, и пиво льется из обычного краника, а потом, в перспективе, вместо него будет писающий мальчик. Я его уже заказал в Каслях, они мне его из чугуна отольют – точную копию настоящего, того, что в Брюсселе. На первом этаже – раздевалка и сама баня. Вот тут, над печью – соляной экран …э-э-э…, забыл, как правильно называется. В общем, когда печь топится, из него выделяются какие-то соли. А, вспомнил! Гималайские! Ионы - катионы всякие… Очень, очень полезные для здоровья! Каменка – из малинового кварцита: лучшего материала для каменки в мире не существует. А это – ароматерапия, специальный испаритель эфирных масел. Еще есть парогенератор: если его включить, то он автоматически поддерживает заданные температуру и влажность…
Экскурсия была не очень утомительной, но и не такой уж короткой: кроме этого, там еще прилично было всяких банных прибамбасов. Посмотрел я все и говорю:

– Фантастика! Не баня – мечта! Вот только дверь в парилку почему-то не наружу открывается, как положено по безопасности, а внутрь. Так же нельзя. Придут к тебе друзья, кто-нибудь спьяну-сдуру плеснет на каменку полный тазик, и что? Все как ломанутся на волю, а дверь вовнутрь открывается! А никто не хотел умирать…
– Да я знаю, знаю! Но мои друзья на такое не способны даже спьяну-сдуру. Я специально дверь в неправильную сторону сделал. Мне вот что подумалось: пришли ко мне в баню друзья, а когда я пошел попариться, взяли, да и подперли дверь с той стороны шваброй! И сварили меня заживо! Окошка-то в парной нет!
– А на такое способны?
– Хочется, конечно, надеяться, что нет. Но как можно быть уверенным на сто процентов?
И я представил…

Пришли к нему друзья, он провел их по бане, все показал и рассказал. Малец нассал им по кружечке, потом из бара достали – по рюмочке…
– Ну что, мужики, – говорит хозяин, – пошли, попаримся!
– Давай, Саша, – отвечают гости, ты пойдешь париться, а мы чуть попозже. Мы тебе сюрприз подготовили. Ты иди в баньку, а мы тут все организуем. Тебе понравится!

Ну и заперли его в парной. А он-то не знает. Сидит себе на полке, потом покрывается, довольный… Поддал немного. Ух! Хороша сегодня банька! Ну так!.. Для друзей же старался. А как там веничек? Тоже хорош, отлично запарился. Что же, интересно, там за сюрприз? Хотя, гадать бесполезно: друзья такие мастера на выдумки! Натянул на уши шапку, чтоб уши не жгло, плеснул еще полковшика на каменку и подождал, пока жар со всех сторон окутает.

Прошелся веничком по плечам, потом по пояснице: аж до озноба…

Парится Саша. Озноба, как вначале, уже нет, кожа местами горит: поддал-то уже раз десять и столько же раз прошелся по всему себе веником. Кожа красная, пот норовит в глаза затечь. Отлично! Может, хватит для начала? Нет, еще разик поддал и еще веником по спине да по бокам. Вот теперь хорош! Теперь – на улицу, да всей грудью свежего воздуха набрать, чтобы перед глазами поплыло...

Толкнул дверь. Что такое? Разбухла? С какого этого баня пала?! Толкнул сильней, навалился плечем… Вот так друзья! С такими и врагов не надо. И вот уже Саша, частота дыхания которого приближается к частоте пульса, молотит кулаками в дверь:
-Хоро-о-ош, мужики-и-и! Пошутили, и буде-е-ет!

А вот он лежит на полу и плывущим взглядом смотрит на дверь, пытаясь собрать последние обрывки мыслей. Зачем вообще нужна была эта двухэтажная баня? Для друзей… И зачем так сильно парился? Так кто ж знал?! Друзья… Нет, кажется, идут… Сейчас откроют: «Прости, братан! Как-то неудачно пошутили…» Нет, еще дров подбросили…

Картинка про баню, как мне кажется, наглядно иллюстрирует простую мысль: нельзя бесконечно увеличивать количество чего угодно в ограниченном пространстве, будь то температура в бане, из которой не выйти, или количество продуктов цивилизации на планете, поверхность которой, хоть и огромна, но ограничена.

О «ПРЕДЕЛАХ РОСТА»

«Возможности Земли не безграничны. Рост любого материального показателя, будь то численность населения, число автомобилей, домов и заводов, не может продолжаться бесконечно».

«Варианты возможного будущего включают в себя множество разных путей. Это может быть резкий спад и катастрофа, но может быть и постепенный переход к самоподдержанию. Среди вариантов нет только одного: бесконечного роста в физически ограниченном пространстве. Это просто невозможно – планета имеет физические пределы».

«Может ли физический рост продолжаться бесконечно? Наш ответ – нет. Рост населения и капитала увеличивает нагрузку на окружающую среду со стороны человечества и то разрушительное влияние, которое мы оказываем на мировую экосистему».

Это цитаты из «Пределов роста». Речь о работах группы исследователей «Пределы роста», «За пределами роста», «Пределы роста. 30 лет спустя». За рубежом они широко известны, изданы миллионными тиражами на десятках языков, но на русском появились лишь сравнительно недавно и мало известны. Конечно, идеально бы было, если бы буквально каждый, кто на этой планете что-то делает (производит, потребляет, размножается и т. д.), прочел бы эти труды. Поэтому призываю всех сделать это в самое ближайшее время. Даже лучше прямо сейчас, отложив ненадолго потребление, производство, размножение и тому подобную суету. Меня тоже можно отложить ради «Пределов роста», я не обижусь, потом дочитаете. Все

материалы есть в интернете в свободном доступе. А для тех, кого не убедил, я коротенько изложу здесь.

В 1970 году «Римский клуб» – объединение представителей политических, культурных, финансовых, научных кругов, занимающихся изучением перспектив развития биосферы и пропагандой идей гармонизации отношений человека и природы, – предложил группе исследователей под руководством Денниса Медоуза разработать модель мирового развития. Работы профинансировал «Фольксваген», и в 1972 году появился труд: «Пределы роста. Доклад Римскому клубу».

Доклад содержит 12 вариантов математической модели развития мира. Первый, базовый вариант – случай, когда развитие происходит по наметившемуся в 70-х годах пути без каких-либо кардинальных изменений. В результате этого мир приходит к глобальной катастрофе в четвертом – пятом десятилетии нынешнего века. Остальные варианты - при воздействии на развитие (гипотетически) различных глобальных факторов. Например, второй сценарий: авторы делают допущение, что невозобновимых ресурсов в распоряжении человечества имеется гораздо больше, чем считалось в 1972 году. Третий вариант: ресурсов больше, да плюс еще революционное развитие технологий ограничения выбросов. Седьмой: принятие действенных мер по ограничению численности населения. Данные для расчетов вводили авторы, а считала ЭВМ. Получилось:

1. Все сценарии неизбежно ведут к прекращению роста населения и благосостояния.
2. В большинстве сценариев за прекращением роста следует катастрофа: катастрофическое снижение благосостояния и численности населения с

последующей невозможностью их роста в обозримой исторической перспективе (ближайшие столетия).
3. Лишь некоторые из возможных сценариев ведут после прекращения роста к стабилизации на некоем устойчивом уровне.

Пересказывать подробно все сценарии нет смысла. Уже нет. Потому что все они, кроме первого, в котором развитие происходит по наметившимся в семидесятые годы прошлого века тенденциям и приводящим к глобальной катастрофе примерно в сороковых годах этого, уже не актуальны. В 1992 году вышли «За пределами роста», где те же авторы сделали следующие выводы:

1. Мир уверенно движется по сценарию первому, так как ни одного изменения, способного повернуть развитие этого сценария в лучшую сторону, (увеличения ресурсов, открытия дарового и неиссякаемого источника энергии, кардинального уменьшения выбросов, стабилизации численности населения и т.п.), за прошедшие после выхода первого доклада 20 лет так и не случилось.
2. Прошедшие 20 лет подтвердили правильность расчетов, поскольку показатели развития на эти годы в точности совпали с рассчитанными по сценарию №1
3. Человечество уже вышло за пределы роста поскольку возобновимые ресурсы расходуются с такой скоростью, что не успевают возобновляться, интенсивность загрязнения среды такова, что естественные механизмы ее самоочищения не успевают нейтрализовать наши выбросы, и они накапливаются, невозобновимым ресурсам замены так и не найдено. К 1992 году появились результаты исследований, оценивающие превышение

имеющегося уровня хозяйственной деятельности человека над возможностями планеты в полтора раза. Появилось понятие «экологический след», которое характеризуется числом, показывающим, сколько человечеству нужно планет, таких, как наша, чтобы его деятельность не превышала возможностей самоподдержания среды.

В 2002 году появился третий доклад. Его выводы:

1. Продолжается уверенное движение по первому сценарию.
2. Прошедшие годы снова подтвердили верность расчетов: «Тем, кто больше уважает цифры, мы можем сообщить: итоговые сценарии модели World3 оказались на удивление точными – прошедшие 30 лет подтвердили это. Численность населения в 2000г. – порядка 6 млрд чел. в сравнении с 3.9 млрд в 1972 г. – оказалась именно такой, какой мы рассчитывали ее по модели World3 в 1972 г. Более того, сценарий, показывающий рост мирового производства (с 1.8 млрд т в год в зерновом эквиваленте в 1972 г. до 3 млрд т в 2000 г.) практически совпал с реальными цифрами. Доказывают ли такие совпадения, что наша модель была правильна? Разумеется, нет. Но они подтверждают, что модель World3 вовсе не была абсурдной, как это заявляли критики. Ее предположения и наши заключения актуальны и сегодня».
3. Все возможные сценарии, в результате которых за прекращением роста последует стабилизация численности населения с возможностью поддержания достаточно высокого уровня

благосостояния, реализовать уже невозможно. Время на принятие мер для их реализации уже упущено.

4. Из всех сценариев, которые ведут не к катастрофе, а к прекращению роста и стабилизации на каком-то устойчивом уровне, с возможностью поддержания благосостояния на невысоком уровне (уровень европейца с низкими доходами), остался не упущенным только один. Для его реализации необходимо немедленно (в 2002 году) принять меры по стабилизации численности населения в планетарном масштабе.

По прошествии еще почти 20 лет видим все тот же сценарий №1, но уже как неизбежность. Это и неудивительно. Кто бы в 2002 году кинулся заниматься стабилизацией численности населения в мировом масштабе?

Итак, первый сценарий – катастрофический, и никакой альтернативы. Поэтому о нем поподробней.

Прогноз основан на предположении, что мировое развитие продолжается по наметившимся в двадцатом веке тенденциям без кардинальных изменений в политике. Численность населения и производство растут до тех пор, пока этому не воспрепятствует нехватка ресурсов. Под ресурсами понимаются как истоки – все, что люди добывают для обеспечения своей деятельности, так и стоки. Возможность среды изымать из атмосферы углекислый газ, который мы туда выбрасываем, – тоже ресурс. И возможность разлагать мусор на свалках, трупы на кладбищах, фильтровать в толще земли загрязненную нами воду – тоже.

Для обеспечения необходимых ресурсов – как истоков, так и стоков – требуется все больше вложений, что приводит к нехватке инвестиций в других секторах. Все больше сил человечество тратит на добычу ископаемых и борьбу с отходами, на другое сил и средств начинает не хватать. Начинается уменьшение производства товаров и услуг, приходит в упадок производство продовольствия и здравоохранение, снижается продолжительность жизни, увеличивается смертность. Нехватка инвестиций в дальнейшем приводит к уменьшению доходов и еще большему снижению инвестиций, а увеличившаяся смертность – к снижению численности населения, что, в свою очередь, ведет к уменьшению рождаемости. Процесс становится необратимым. «Упадок экономики и резкое уменьшение численности населения до уровней, которые способна выдержать окружающая среда, обязательно будут сопровождаться ухудшением здоровья людей, конфликтами и столкновениями, разрушением экосистем и вопиющим социальным неравенством. Неконтролируемое уменьшение численности населения будет следствием резкого роста смертности и соответствующего снижения потребления». Все показатели состояния мира – изменение во времени численности населения, промышленной продукции, количества продовольствия, ожидаемой продолжительности жизни, количества товаров, услуг и продовольствия на душу населения, антропогенной нагрузки на среду, описаны графиками. Графики имеют разные наклоны восходящих и нисходящих частей, но все совершенно одинаковы по смыслу.

Картинка 2 ГРАФИК

– Три пятьдесят два, взлет.

– …шаю. – дает добро руководитель полетов. Больше половины слова от него не добьешься: во рту у него папироса. РП без папиросы – не РП. Когда догорает одна, он прямо от нее подкуривает очередную.
– Понял.
Летчик увеличивает обороты, включает форсаж, отпускает тормоза. Поехали… Полет на «потолок». Цель – достичь максимально возможной высоты.

Отрыв. Скорость невелика, многотонная машина еле держится на своем маленьком крылышке, поэтому и скорость подъема небольшая. Но вот убраны шасси, закрылки, скорость увеличилась, самолет уверенно держится в воздухе, и можно увеличить угол набора, вместе с ним растет и скорость набора высоты. Скорость тоже растет, вот пройден звуковой барьер, и тут становится совсем весело. По мере увеличения скорости растет лобовое сопротивление, но в воздухозаборник двигателя поступает все более сжатый встречным напором воздух, отчего тяга возрастает даже быстрей, чем сопротивление. «Второй режим». Если уж начал разгоняться, то и не остановишь. И вот самолет несется вверх почти вертикально, за секунду поднимаясь метров на двести. До какой поры это будет продолжаться и чем закончится? Зависит от того, какого именно потолка нужно достичь. Их – два: статический и динамический. Статический – это максимальная высота, на которой возможен горизонтальный полет с постоянной скоростью, стабильный и продолжительный. Для того, чтобы его достичь, необходимо в нужный момент начать уменьшать угол набора, чтобы на высоте километров семнадцать установить горизонтальный полет. Установившийся. Скорость относительно земли – тысячи две с половиной. Две скорости звука, а то и больше. Вот он, статический потолок. Если попытаться подняться немного

выше, то начнет падать скорость, и снова получится «второй режим», только наоборот: если уж начал тормозиться, то уже не остановишь. Скорости станет недостаточно, чтобы держать высоту в разреженном воздухе, и придется снижаться.

А намного выше можно? Можно! Не надо было переводить самолет в горизонт на статическом потолке, вообще про потолок этот не надо было думать. Пятнадцать тонн несутся со скоростью две с половиной тысячи километров в час! Это же какая энергия! Да еще форсаж ей в помощь! Со свистом пробиваем статический потолок и продолжаем свой «полет на Луну». И вот потолок динамический. Высота больше двадцати километров, скорость – ноль. Форсаж можно выключить, он стал бесполезен. Отсюда – только падать. Со свистом пробиваем статический, уже в другую сторону, перейти в горизонт мы сможем гораздо ниже. Топливо съедено форсажем, так что снова подняться к потолкам уже не судьба. Как-нибудь в другой раз. В следующем полете.

По расчетам авторов «Пределов», «потолок», после которого только падать, будет достигнут в сороковых годах текущего века. Правда, есть две кривые, отличные от этого графика: кривая загрязнения продолжает расти и после общего обвала еще лет тридцать, а количество ресурсов и сейчас никуда не растет, а падает, все ускоряясь. И будет падать до конца времен, что бы мы ни делали.

Почему я не сомневаюсь в правильности этих выводов?

1. Я о пределах роста не только читал. Я о них еще и писал. Вот эта самая глава этой самой книги была написана мной еще до знакомства с «Пределами».

Слова в ней тогда были другие, но смысл тот же. А позже, когда писались уже последующие главы, произошло мое знакомство с «Пределами». Я решил свои «Пределы» уничтожить и заняться популяризацией уже существующих. Но мои выводы полностью совпали с выводами «Пределов», причем даже по срокам. Пусть мои выводы – не математическая модель, рассчитанная ЭВМ, а вполне аналоговый продукт моего воображения, но когда они совпадают, то это, согласитесь, является доказательством. Хотя, соглашусь, лишь для меня.

2. По сути, они совпадают и с выводами множества экологов, хотя со многими из них расходятся по срокам. Правда, экологи говорят о катастрофе экологической, то есть о том случае, когда выход за пределы роста приведет к уничтожению среды обитания. «Пределы роста» – о катастрофе цивилизационной. А причиной цивилизационной катастрофы может явиться не только уничтожение среды, но и истощение ресурсов, или то и другое в совокупности.
3. Об этом же говорят и экологические экономисты (подробнее о них – чуть позже).
4. Выводы «Пределов» подтверждаются теорией численности видов. Любой вид, обладающий значительным преимуществом в конкуренции с другими видами, сперва все ускоряясь, увеличивает свою численность, но в момент максимально быстрого ее увеличения рост резко прекращается, после чего численность катастрофически снижается. Все тот же график, не мы первые его проходим. Подобная кривая характерна для всех видов – от бактерий до... Чуть не сказал: «До человека». Хоть лично я и уверен, что человек никуда не денется и

повторит этот график, но говорить так не хочется – во всяком случае, сегодня, когда катастрофическое снижение еще не началось. Нам, живущим в конце фазы роста, то есть до катастрофы, не очень интересно, что обычно бывает с видами после катастрофы. Но все же: после резкого снижения скорость исчезновения постепенно замедляется и численность вида либо стабилизируется на невысоком уровне, либо он таки вымирает.

5. Выводы «пределов» подтверждаются выводами академика Вернадского: «Любой вид, стремясь к экологической экспансии, постоянно увеличивает свое давление на среду. Давление это растет до тех пор, пока не будет строго ограничено внешними факторами. Если этого не происходит, то наступает эволюционно - экологическая катастрофа».
6. Близость катастрофы подтверждается и тем, что катастрофические процессы, вызванные ростом, уже идут полным ходом: загрязнение, потепление, обеднение руд, почв и всех остальных ресурсов, массовое вымирание видов, нарушение функций биосистем и многое другое. Просто пока они не касаются напрямую нас и нашего благосостояния. Нам удается отгородиться от них границей нашей техносферы. *Пока* удается.
7. Выход за первый в истории человечества явный глобальный предел происходит на наших глазах прямо сегодня. Здесь я должен обратить внимание на некоторую путаницу в понятиях, которая, на мой взгляд, присутствует в «Пределах». В работе «За пределами роста» 1992 года, как я уже говорил, был сделан вывод, что выход за пределы уже состоялся, на основании того, что происходившая в то время деятельность человечества превышала возможности

планеты в полтора раза. Но это же превышение не пределов роста. Это – превышение уровня устойчивого развития, уровня устойчивости биосферы. А дальнейший рост тогда, в девяностых, ничем ограничен не был. И только сейчас мы подошли к первому настоящему пределу – изменению климата. Предел, напомню, характеризуется следующим воздействием: человечество все больше ресурсов тратит на добычу ископаемых и борьбу с отходами, что отнимает силы от производства товаров и услуг и в конечном итоге приводит к прекращению роста. Именно это мы и видим в последние годы. Человечество начало ощущать воздействие изменения климата в виде увеличения количества и мощи наводнений, ураганов, пожароопасных периодов и прочих климатических бед, связанных с потеплением, и стало ощутимо тратиться на ликвидацию их последствий. Новости: наводнение в Венеции. Ущерб – миллиард евро. Пожары в Австралии – несколько миллиардов. Пожары в Сибири, авиационная группировка МЧС увеличена на столько-то самолетов и людей. По прогнозам и последствия, и траты будут в дальнейшем возрастать, отнимая ресурсы, которые должны были пойти на продолжение роста. Сможет ли человечество преодолеть этот предел?

Здесь должен заметить, что я не смог найти ответа на вопрос: «А сможет ли накопление в атмосфере двуокиси углерода, ведущее к глобальному потеплению, привести к полному разрушению среды, то есть к глобальной экологической катастрофе?» Вот, например, что я нашел в разных работах разных авторов:

– Удвоение содержания углекислоты в атмосфере приведет к тому, что атмосфера станет непригодной для жизни человека. Хоть лично я и сомневаюсь в такой количественной оценке (в доиндустриальную эпоху углекислоты было в атмосфере 0,2%, сейчас – 0,4, но мне кажется, лично я бы и при 1% выжил, и при 2%), но ясно, что существует такое содержание углекислоты в воздухе, при котором все мы дружно погибнем вместе с еще многими видами.
– Углекислота накапливается в атмосфере очень медленно, но не потому, что мы производим ее ничтожное количество, а потому, что часть ее идет на строительство всех живых организмов, имеющихся на планете (растений, а по пищевой цепочке и всех остальных), а другая часть – основная - растворяется в Мировом океане. Количество живого постоянно уменьшается: растущее количество людей не может, в плане связывания углекислоты, восполнить убыль всех остальных организмов, и в первую очередь – растений. Что касается растворения в океане, то я не нашел заслуживающих доверия данных о том, каково сегодня содержание там углекислоты, сколько еще может быть там растворено, но можно с уверенностью сказать, что предельное количество газа, которое может связать океан, существует, и после того, как оно будет достигнуто, двуокись начнет накапливаться в атмосфере гораздо быстрее – может, на порядок, может, не на один.
– Мировой океан разогревается, а при повышении температуры воды ее способность растворять углекислоту снижается.

Как видим, ответ на вопрос: «А сможет ли увеличение содержания в атмосфере углекислого газа предотвратить цивилизационную катастрофу, вызванную выходом за пределы роста, посредством глобальной экологической

катастрофы, которая произойдет раньше?» зависит от количественной оценки перечисленных выше факторов.

Впрочем, далеко не все с этим согласятся, особенно экономисты. Вот, например, что пишет об этом известный польский экономист Гжегож Колодко: «Климатические условия со временем – в очень длительной перспективе – будут играть все менее заметную роль, что можно сравнить с ролью географических факторов в последнее тысячелетие. Потому что люди научатся регулировать погоду и изменять климат». Сперва он говорит о том, что изменение климата – главная из сегодняшних опасностей, а потом – вот. Не «возможно», не «наверное». Не уточнив, кто, когда и как будет этим заниматься, сразу счастливый конец: изменения климата преодолены. А уж коли говорится об «очень длительной перспективе», то, заодно и пределы роста. А иначе откуда она взялась бы, эта длительная перспектива?

И только если у двуокиси не получится всех нас уничтожить, мы узнаем ответ на вопрос: «А сможет ли человечество преодолеть этот первый встретившийся на его пути предел?» Останутся у него возможности для дальнейшего роста после ликвидации все возрастающих последствий изменения климата? Если останутся и рост продолжится, то будем ждать, какой следующий предел отнимет у нашего роста возможности.

Многие авторы первым пределом, причем, успешно преодоленным, считают историю с производством фреонов и связанное с этим истощение озонового слоя. Я считаю, что это не был «предел». Опасность гибели всего живого на планете была, но для ее устранения потребовалось «лишь» изобрести хладагенты без освобождающегося атома хлора и заставить производителей перейти на эти хладагенты.

Опасность не потребовала от человечества постоянных значимых трат на нейтрализацию опасности, а стало быть, предела не было. С тем, что предел этот преодолен, я тоже не согласен. Да, озона становится больше, что дает основание сделать оптимистичный вывод: человечество при помощи разумных и согласованных в мировом масштабе действий вернуло содержание озона в атмосфере к уровню самоподдержания. Но история продолжается. Озоновые дыры сокращаются, но те, древние фреоны, продолжают свое дело: высвободившиеся их атомы хлора и сегодня, хотя с каждым днем все меньше и меньше, но продолжают уничтожать озон, и процесс этот прекратится спустя лишь десятилетия. А на смену им приходят окислы азота, образующиеся при работе газотурбинных двигателей самолетов. Они тоже уничтожают озон, причем с каждым днем все больше и больше. Если снова дыры начнут расти, получится ли так же относительно легко, как в прошлый раз, избежать опасности? Не газотурбинные авиадвигатели давно существуют: поршневые, но как надо надавить на авиацию, чтобы заставить ее к ним вернуться? Электрические авиадвигатели – в далекой перспективе. Что можно сделать, чтобы ускорить их внедрение, требующее огромных и невосполнимых в близкой перспективе трат? А может, основать производство озона и его доставку на нужные высоты? И главное: во что обойдутся человечеству эти меры? Вот если продолжение озоновой истории потребует от человечества заметных в планетарном масштабе трат на предотвращение и преодоление последствий, что отнимет ресурсы у дальнейшего роста, здравоохранения и прочего, озоновая история сможет стать «пределом». Замечу, что в истории с изменением климата речь о возможном возврате к уровню самоподдержания уже не идет. Как о сверхзадаче говорится о предотвращении в ближайшие десятилетия потепления более чем на 2 градуса.

Что еще хотелось бы сказать о «Пределах»…

«Рост» в «Пределах» – это физический рост: рост населения, рост производства, рост потребления ресурсов, рост количества выбросов и т.д.

Возможный устойчивый уровень – «уровень самоподдержания», обусловленный потенциальной емкостью Земли, на котором было бы возможно длительное процветание человечества (на графике – статический потолок, а в «Пределах роста» – уровень восьмидесятых), характеризуется следующими условиями:
– возобновимые ресурсы используются так, что успевают возобновляться (мы вырубаем леса, а на смену им вырастают новые, и общее их количество не уменьшается; мы выбрасываем CO2, но не более того, что природа может поглотить как строительный материал для всего живого, и он не накапливается ни в атмосфере, ни в океане).
– на смену подходящим к концу невозобновимым ресурсам своевременно осваиваются альтернативные (например, термоядерная или еще какая-нибудь энергетика на смену углеводородной).

Он, этот уровень, был превышен еще в восьмидесятых годах прошлого века, к 1990-му превышение, по разным оценкам, составило от 20% до 50%, а сегодня – в 1,5–6 раз. В дальнейшем это превышение будет не только возрастать, но и ускоряться, то есть в каждый последующий промежуток времени прирост будет больше, чем в предыдущий, так как рост всего, что увеличивает нагрузку на среду, происходит по экспаненте. К 2050 году превышение оценивается разными исследователями от 2 до 12 раз.

Экспоненциональный рост – это когда растущий объект воспроизводит сам себя. Население размножается и растет, прибавляя каждый год какой-то, небольшой, казалось бы, процент. Но эти, каждый год прибавляющиеся процентики, вскоре тоже начинают размножаться. Рост ускоряется: если до первого миллиарда населения человечество мучилось миллион лет, то седьмой миллиард прирос за пятнадцать, хотя ежегодный прирост населения лишь несколько процентов. То же видим и в экономике: ежегодный рост – проценты, но в каждый последующий год эти проценты накладываются на прошлые проценты, и рост ускоряется.

Выход за пределы роста с катастрофическими последствиями обусловлен не только ростом и наличием пределов роста. Еще очень важно «запаздывание» – время между выходом за пределы (80-е годы) и реакцией на него, которой до сих пор нет и которая даже не предвидится. Все эти годы мы находимся в области неустойчивости и продолжим в ней находиться, все ускоряя рост, так как не видим явных сигналов опасности, да и для действий по преодолению опасности нужны не только возможности и решимость, но и время. «Экспоненциальный рост может быстро выйти за любой постоянный предел. Если с одним пределом удастся справиться, то экспоненциальный рост вскоре натолкнется на следующий. Вследствие запаздывания в обратных связях от пределов, мировая экономическая система стремится преодолеть пределы, обеспечивающие устойчивое развитие. На самом деле для многих источников и стоков, очень важных для мировой экономики, выход за пределы уже состоялся».

В «пределах» все ресурсы делятся на «истоки» и «стоки». Их значение, с точки зрения воздействия на цивилизацию,

равноценно. Во всем мире понижается уровень грунтовых вод, (исток), и это требует дополнительных трат на обеспечение водой. Во всем мире повышается загрязненность вод (сток), - и это требует дополнительных трат на очистку как сточных, так и потребляемых вод.

Авторы «Пределов» сравнивают течение грядущего кризиса, связанного с выходом за пределы, с обрушением рынка акций: «Пока идет рост – все празднуют. И продолжают радоваться, когда будет пройден максимум и система переходит в область неустойчивости. Кризис настанет внезапно, и все очень удивятся. Через несколько кризисных лет станет очевидно, что период непосредственно перед кризисом был совершенно неустойчивым. Когда пройдет еще немного времени, многим станет казаться, что упадок никогда не кончится. И мало кто будет надеяться на то, что когда-нибудь в будущем снова настанет изобилие энергии, а моря снова будут полны рыбы».

Прогноз о цивилизационной катастрофе в сороковых годах на самом деле лучший из возможных прогнозов, так как реализуется он только в том случае, если человечеству удастся избежать полного уничтожения в результате ядерной войны, экологической катастрофы, пандемии, уничтожившей значительную часть человечества и прочих катаклизмов. Если все будет хорошо с разоружением, с борьбой против изменения климата, не случится глобальная озоновая дыра, вымирание насекомых с последующим всепланетным прекращением опыления растений, столь необходимых для питания людей и животных, опять же необходимых для питания людей, не будет нечаянно выведен абсолютный вирус или изобретено вещество, способное уничтожить все живое на планете, – вот только

если все будет настолько хорошо, то будет плохо из-за выхода за пределы роста. По словам авторов «Пределов», их прогноз очень оптимистичен, так как не учитывает массу угроз.

«Пределам роста» скоро пятьдесят. Если в предисловиях к первым изданиям авторы писали, что коллектив их в процессе работы разделился на оптимистов, которые верят в то, что человечество найдет способ избежать самоуничтожения цивилизации, и на пессимистов, которые были уверены в том, что выхода нет, то в последние годы один из тогдашних оптимистов – Деннис Медоуз – неоднократно повторял, что все возможности упущены и катастрофа неминуема. А вот Йорген Рандерс. Он с самого начала был убежденным пессимистом, не веря в благоприятный финал истории с пределами. И вот что он пишет в последних публикациях: «Сорок лет жизни я отдал изучению проблемы неразрушающего экономического роста. Мне уже много лет, и я могу сказать, что мои старания прошли даром, потому что современный мир разрушает экологию сильнее, чем это было сорок лет назад. Эту книгу я писал, чтобы избавиться от угрызений совести».

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКОНОМИСТЫ

Экологическая экономика – сравнительно недавно появившаяся наука. Она занимается изучением взаимосвязи между экологической и экономической системами. Ее цель, как сказано на сайте Международного Общества Экологической Экономики, – поиск наилучших путей проживания на планете экономического общества, основанного на бережливости, через экономическую эффективность и достижение экологически приемлемого

экономического развития. Оцените оптимизм этих ребят! В ситуации, когда развитие экономики уже экологически неприемлемо, то есть вышло за допустимые экологией пределы, они ищут наилучшие пути! Не путь, хоть какой-нибудь, пусть наихудший, но который позволил бы выйти из сложившейся ситуации с наименьшими потерями, выжить, не уничтожив совсем цивилизацию, человека как вид или вообще все живое на Земле, а пути! Даже не найти пути, а выбрать из всего множества возможных вариантов несколько наилучших!

Оптимизм, присутствующий в перечислении целей и задач Международного Общества Экологической Экономики исчезает, когда дело начинает касаться конкретных вещей:

1. Безоговорочно признается, что бесконечный рост невозможен.
2. Подтверждается, что уже нынешний уровень развития производства несовместим с возможностями среды, то есть «выход за пределы» состоялся.
3. В докладе каждой очередной конференции Международного Общества Экологической Экономики, которые проводятся регулярно раз в два года, констатируется, что ситуация ухудшается.
4. В каждой новой работе по экологической экономике подчеркивается, что времени на «поиск наилучших путей» осталось еще меньше.

Отдельно хотелось бы остановиться на концепции «нерентабельного роста» Германа Дейли – одного из основоположников экологической экономики. Как экологический экономист он говорит вот что:

«…Факт состоит в том, что на самом деле нам пора на экономическую диету. Нам не нужно поднабрать еще жирка, нам нужна сила воли и здравый смысл, чтобы понять, что подталкивание к какому-либо экономическому росту равносильно подталкиванию планеты к краю пропасти».

«…Экономический рост не противоречит защите окружающей среды». Это все равно, что сказать, будто нет противоречия между расширением сельхозугодий и сохранением прерий, заготовлением деловой древесины и сохранением леса, добычей меди и сохранением ландшафтов. Нет конфликта между производством пластмассы и чистотой воздуха, или между производством бумаги и чистой воды. Никакой коллизии между вашим бензиновым авто и воздухом, водой и климатом».

А как экономист он придумал концепцию «нерентабельного роста». Вкратце: работают, например, фермер и шахта. Фермер производит кучку чего-то сельскохозяйственного, а шахта – кучу чего-нибудь ископаемого. С каждым годом добывать свои кучи им все сложнее: истощены почвы, участились ураганы, климат стал более сухим, богатых и легкодоступных руд все меньше, да еще экологи добились от правительства запрета на использование ядохимикатов и технологии гидроразрыва пластов. Фермер ответил на вызовы увеличением использования минеральных удобрений, заказал генетикам очередные исследования по улучшению генома культур, а химикам – по уменьшению вредности химикатов, купил вертолет с цистерной для полива. На шахте – новые бурилки с повышенной глубиной бурения, исследования по новой методике обогащения, новая обогатительная фабрика, подъездные пути к ней… Добыли они таки свои кучи.

Пришел экономист, считает: кучи – как и в прошлом году, да еще плюс удобрения, исследования, бурилки, фабрика, подъездные пути, вертолет… Рост, и какой! Но на самом-то деле, на выходе все те же две кучи, а все остальное, за счет чего рост, по сути, входит в себестоимость этих куч. Вот такой рост Дейли называет нерентабельным и говорит, что противодействовать этому можно только отрицательной процентной ставкой, которая в условиях повсеместного нерентабельного роста должна стать нормой. Отрицательная ставка стимулирует инвестиции в период кризиса: когда инвестор в тяжелые времена не знает, куда вкладывать, создаются условия, когда нести деньги в банк себе дороже. И что остается бедному инвестору? Вкладываться куда попало, наудачу. Инвестиции не ради будущих прибылей, а ради инвестиций: лучше уж так, все равно деньги пропадут. Это облегчает выход из кризиса, так как отсутствие инвестиций сегодня означает спад завтра, который приведет к уменьшению инвестиций завтра. Но в период кризиса, связанного с выходом за пределы, а нерентабельный рост и есть следствие выхода за пределы, (все больше сил тратится на добычу ресурсов), использование этого инструмента поможет лишь еще чуток поднять точку максимального роста и подольше в ней задержаться ценой все большего наращивания усилий по добыванию необходимых нам куч.

Подведем итог сказанному об экологических экономистх: наилучшие пути они десятилетиями ищут исключительно в рамках рыночной экономики. Они знают, что нужно сделать, и призывают это сделать. Но кто, когда и как это будет делать, не знают. Экологические экономисты до сих пор говорят о том, как вернуться к уровню самоподдержания, но время, когда можно было вернуться,

прошло. Уже известно, что прийти к нему можно только пережив катастрофическое снижение до этого уровня.

А МОЖЕТ, НУ ЕГО?

Если известно, что катастрофа неизбежна, есть ли смысл пытаться что-то изменить, и вообще, говорить об этом? Не лучше ли оставшееся нашей цивилизации время потратить с максимальным для себя удовольствием, не обращая внимания на мрачные прогнозы? Гульнуть напоследок, раз уж ничего не изменишь?

Изменить кое-что можно даже в условиях приближения неизбежной катастрофы. Если с сегодняшнего дня начать уменьшать темпы роста, с тем, чтобы в близкое время совсем прекратить хотя бы ускорение темпов, а не сам рост, затем перейти к прекращению роста и планомерному плавному снижению, то график становится более пологим, максимума достигает гораздо позже и с меньшим показателем роста. Дальше – все равно катастрофа, избежать ее мы не можем уже никак в силу многократного превышения уровня устойчивого развития, но:

1. Более поздняя.
2. Менее внезапная.
3. Кривая падения после катастрофы будет более пологой.
4. Прекращение падения будет возможно на более высоком уровне.

То есть, если с сегодняшнего дня все человечество предпримет шаги по уменьшению роста с целью последующего его прекращения и перехода к снижению, есть возможность отсрочить катастрофу, сделать ее менее разрушительной и повысить шансы на выживание

человечества после нее. И если это «после» лично каждого из нас волнует мало, то первые три пункта касаются каждого ныне живущего, хотя и по-разному: в зависимости от возраста, семейного положения и планов на будущее. Кроме того, предпринимая действия по прекращению роста и снижению, человечество, даже не зная того, может избежать каких-то конкретных опасностей, ведущих к экологической катастрофе. Возможно, не будут изобретены какие-то вещества или технологии, способные привести к уничтожению экосистемы, нагрузка на среду не вернется к уровню самоподдержания, но будет меньше, чем была бы в отсутствие мер по снижению.

КТО?

Кто? Кто уже сегодня предпримет эти шаги? Или хотя бы завтра? Кто их вообще может предпринять?

Каждый человек, буквально каждый ныне живущий человек ежедневно видит вокруг себя признаки того, что нагрузка на среду давно уже запредельна и продолжает возрастать. Мы видим те мешки мусора, которые сами несем к контейнеру, видим в контейнере другие мешки, легко можем убедиться, что количество их год за годом увеличивается. Видим по телевизору свалки этих мешков, которые тоже растут год за годом, и никто не знает, что со всем этим делать. Мы видим смог над городами, строительство новых микрорайонов на местах, где еще вчера был лес, дымящие заводы. СМИ сообщают нам об экологических бедствиях, о техногенных катастрофах и об истощении ресурсов по всему миру. Еще пару лет назад о глобальном потеплении говорили лишь в каких-то специализированных изданиях и программах, а сегодня – чуть не в каждом прогнозе погоды: «Это обусловлено

глобальным потеплением». Примеры можно продолжать до бесконечности, но, несмотря на то, что все это мы видим, каждый из нас работает над тем, чтобы увеличить собственное потребление. Ну, как минимум, чтобы не снижать. Руководитель или собственник любого производства прекрасно знает, сколько оно берет из среды хорошего и испражняет в нее плохого, но, тем не менее, стремится свое производство расширить или построить новое, и победившие в конкурентной борьбе именно так и делают. Все в мире правительства прекрасно осведомлены о ресурсных и экологических проблемах, но всеми силами создают условия для ускорения роста экономики и потребления. Что говорит Президент России с высоких трибун? Говорит, что надо наращивать усилия по сохранению экологии. А что он говорит с других высоких трибун? Говорит, что у России очень много углеводородов, и она добудет их столько, сколько будет нужно мировой экономике. И никто не сомневается: добудет! Тогда как на экологию еще хватит ли денег, решимости, профессионализма. Что говорит Президент США об изменении климата? Говорит, что мы – последнее поколение, которое может с этим что-то сделать. А что делает реально? Выходит из соглашения по выбросу парниковых газов. Пусть это разные президенты США, но США-то одни и те же. И что бы ни говорили следующие президенты США, действия США будут такими же. То есть все, кто реально может повлиять на ситуацию, ее лишь усугубляют. А те, кто думает о спасении планеты – различные клубы, типа Римского, общества, типа Общества Экологической Экономики и умники – ученые, или просто рассуждальщики типа меня, могут только рассуждать и никакого реального воздействия оказать не могут. Есть ли хоть одно государство, заинтересовавшееся «концепцией устойчивого развития», в которой в 90-х годах были

сформулированы обязательства государств по достижению устойчивого, то есть не входящего в конфликт со средой, развития? Кто, по мнению авторов «концепции нулевого роста», считавших, что целью должен быть рост ВВП, близкий к нулю, а доходы нужно направить на личное потребление, а не на производство, мог или должен был воплотить в жизнь их концепцию? К кому апеллировали авторы «Пределов»? К кому обратились авторы предложения направлять 0,7% ВВП богатых стран на развитие бедных? Кто нас спасет? Или что? Или никто и ничто?

РЫНОК

В предыдущей истории рыночная экономика (а другой сегодня нет… или почти нет), хорошо себя зарекомендовала как механизм, способный преодолевать противоречия и находить выходы из сложных исторических ситуаций, казавшихся в свое время глухими тупиками. Вспомним…

Когда в результате своего естественного развития на основе относительно свободной конкуренции капитализм пришел к Великой депрессии, он нашел возможность преодолеть свои собственные противоречия. Пусть ценой отказа от некоторых свобод, позволив государству серьезно вмешиваться в регулирование экономики и конкуренции, но нашел.

И в семидесятых, когда не такой драматический, но явный затяжной кризис позволил многим западным экономистам говорить о преимуществе социалистической модели, опять нашлась возможность преодолеть застой и развиваться дальше, всего лишь «неолиберально» ограничив государственное регулирование.

А история с марксизмом? Когда Маркс говорил о том, что капитализм неизбежно приведет к обнищанию рабочих масс, социальной революции и рождению нового строя, его версия дальнейшего развития казалась весьма правдоподобной – настолько правдоподобной, что многие посчитали разумным ускорить это движение. А по прошествии времени мы знаем, что обнищания не случилось. Наоборот, только рыночная экономика оказалась способна обеспечить массам уровень потребления, не только соответствующий потребностям человека, но и намного их превышающий.

А насколько быстро рыночная экономика реабилитировала то, что осталось от развалившейся экономики СССР? Можно долго перечислять проблемы, к которым эта реабилитация привела, но ведь та, социалистическая экономика оставила после себя такое, что долгое время казалось: никакая сила не сможет это поднять обратно.

Один раз – случайность, два – закономерность, три – система. Капитализм в течение длительного исторического периода регулярно, систематически преодолевает противоречия, которые в свое время казались непреодолимыми. Может, и с противоречием между ростом и возможностями среды выдержать этот рост будет так же?

Для того чтобы перестать увеличивать нагрузку на среду, экономика должна как минимум, перестать увеличивать производство и перестать уничтожать те ресурсы, которые уже сейчас находятся на грани уничтожения. Способна на это рыночная экономика?

Для того чтобы механизм начал выполнять какую-то задачу, его необходимо настроить на ее выполнение, а затем включить. Собственно, публикация «Пределов роста», «Концепции устойчивого развития», выводов Общества Экологической Экономики, материалов конференций ООН и других международных организаций, множества других работ множества авторов по данной тематике и есть не что иное, как попытки запустить этот механизм на решение задачи прекращения роста. Я вот тоже пытаюсь что-то сделать. Но, несмотря на то, что попытки эти продолжаются уже не первое десятилетие, механизм не запустился, как мы ясно видим. Механизм не способен в принципе решать эту задачу, или для запуска нужны какие-то другие действия?

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Экономическая теория не порадовала. Согласно ей, рыночная экономика имеет немало противоречий. Но в их списке противоречия между ростом и возможностями среды выдержать этот рост не значится. Предлагаю им, этим противоречием, список дополнить. Таким образом, это будет «последнее противоречие рыночной экономики».

В любой работе по экономике, будь то учебник, «экономический бестселлер» или доклад министра экономики, непременно найдется пара абзацев или даже небольшая глава, посвященная проблемам экологии. Наличие этого обязательно, тогда как сама работа посвящена проблемам ускорения экономического роста, преодоления кризисных явлений в экономике и т. п. Так сказать, правило хорошего тона. Смысл всегда таков: задачей рыночной экономики является рост производства. Рост, несомненно, является благом, но при этом, к сожалению, производятся и вредные выбросы. Это –

проблема. Вот и надо подумать, как, продолжая ускорять рост, уменьшить выбросы. Все остальные главы – о проблемах, встающих на пути роста, и о том, как их преодолеть. Последняя глава, как правило, о том, что должно получиться в результате. Типичный прогноз... Общество высокоинтеллектуальных людей, где блага создаются не в сфере индустриального производства, а в научной, информационной, высокотехнологичной. Неоэкономика, экономика знаний, цифровая экономика. Блага, многие века верой и правдой служившие человечеству в силу своих физических свойств, уходят на второй план, а определяющими становятся блага виртуальные. Блага становятся все более нематериальными. Зачатки этой новой экономики видны уже сегодня в развитых экономиках, и доля их постоянно растет. Вроде бы, все логично. Рыночная экономика сама, путем естественного своего развития, идет к несырьевому, неиндустриальному этапу, когда она легко примирится со средой, так как при интеллектуальной деятельности вредных выбросов не производится. Но для того, чтобы это будущее наступило, нужно сегодня побороться с вредными выбросами (смотри главу о выбросах). Сегодня, ну, может быть, еще и завтра. Конечно, не допустить войны, разобраться как-то с потеплением, с другими явными опасностями. А послезавтра интеллектуальный, экологически безвредный труд вытеснит все вредные производства, и проблем как не бывало. Ну и, как вишенка на торте, лучезарная улыбка Фрэнсиса Фукуямы и его «Теория единой цивилизации»:

- Либеральная демократия – конечная фаза развития.
- У либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив.
- Надо прекратить поиск более высоких форм общественного строя.

- Когда все страны придут к этому, наступит «конец истории». В смысле – хороший, счастливый конец.

Есть экономисты, утверждающие, что рост производства, физический рост, фактически уже закончился. А те проценты роста, которые регулярно высчитываются и публикуются, не что иное как результат системной ошибки, связанной с несовершенством существующей сегодня методики оценки экономических показателей. Все экономические расчеты отталкиваются от ВВП, а ВВП, даже оцененный в долларах по ППС, – инструмент слишком несовершенный.

Однако все эти оптимисты, строя радужные прогнозы, исходя из сегодняшних тенденций в области цифровых технологий, перехода развитых экономик к постиндустриальному этапу развития, когда действительно доля индустриального производства в экономике существенно снижается, растет значение науки, как производственной силы и т. п., совершенно игнорируют другие тенденции, противоречащие возможности естественного перехода рыночной экономики к такому этапу своего развития, когда она, продолжая свой рост, не будет входить в конфликт с возможностями среды этот рост выдержать:

1.Нематериальные блага в принципе не могут заменить материальные. В интернете нельзя ни поесть, ни попить, ни одеться – «ГУГЛом» сыт не будешь. Интеллектуал, производящий продукт, сидя за компьютером, не откажется от обеда, жилья, одежды, авто, путевки на курорт и всего прочего, материального. Наоборот, работая не лопатой и подняв свою производительность труда в денежном выражении с помощью новых технологий на новый уровень, повысит свое материальное потребление. И кто-то

другой, может быть, в другой стране, работая, в том числе и лопатой, и производя при своей работе вредные выбросы, увеличит производство, стремясь обеспечить возросшие потребности интеллектуала, а обеспечив их, конечно же, получит возможность повысить и собственный уровень потребления.
2.Для производства нематериальных благ – виртуальных, цифровых, интеллектуальных – необходимы вполне материальные средства производства: компьютеры, серверы, провода и т.д. Производство всего этого растет. Количество заводов по производству всего этого тоже растет.

Получается, что развитие цифровых технологий ведет к увеличению материального производства. Собственно говоря, цифровые технологии задумывались не для игр и соцсетей, а как раз для повышения производительности труда в обычном, материальном производстве. И в этом деле они не просто успешны, а превосходят все первоначальные ожидания.

3. Цифровая экономика требует производства колоссальной энергии. Пример, который присутствует почти в любой работе об экологии: за два сеанса поиска в «Гугле» на работу серверов расходуется столько же энергии, сколько при кипячении одного чайника. Неправильно подсчитано. Двух – пока «Гугл» ищет, чайник тоже обычно включен.
4. В постиндустриальном обществе, где основная часть ВВП производится не в промышленном производстве, она производится в сфере услуг и финансов. Это что? Парикмахерские, юридические и букмейкерские конторы? Не только. Это еще и медицина, и автосервис, и многие другие услуги, требующие производства массы

оборудования. Это и инвестпроекты, которые, в частности, развивают индустриальное производство в развивающихся странах. Доля индустриального производства в развитых экономиках неуклонно снижается, но не за счет уменьшения индустриального производства, а за счет увеличения производства в сфере услуг и финансов. А в развивающихся экономиках индустрия растет. Если в богатых станах практически устранены выбросы из дымовых труб, то посмотрите, что творится с этими выбросами в Индии и Китае, и не в последнюю очередь благодаря инвестициям из богатых стран.
5. Физический рост можно оценить не только с помощью «несовершенного» ВВП, есть и другие, «натуральные» показатели. Количество авто, квадратных метров жилья – общее и на душу населения. Добыча углеводородов и прочих ископаемых, производство энергии, сельхозпродукции, мяса, ботинок… Производство всего этого в мире растет не только в денежном, но и в количественном выражении
6. По мере перехода развитых экономик к постиндустриальной фазе, развивающиеся проходят индустриализацию, причем население там и больше, и растет оно быстрее.
7. Экономики развивающихся стран используют не только инвестиции из развитых, но и современные технологии, что существенно повышает производительность труда и, соответственно, производство, по сравнению с развитыми экономиками в соответствующий период их развития.

Вывод: развитие технологий и переход к неоэкономике не ведет к естественному прекращению физического роста и сглаживанию последнего противоречия. Напротив, это ведет к ускорению роста и обострению противоречий со средой.

Безусловным благом для сбережения среды и экономисты, и экологи, считают технический прогресс. Действительно, усовершенствование старых технологий, открытие и внедрение новых, вносит огромный вклад в примирение экономики со средой. Если продолжить эти тенденции в будущее, то можно предположить, что технологии будущего позволят сделать рост безвредным для среды.

Картинка. СВЕТЛОЕ-ПРЕСВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ.

Ветровые, солнечные и приливные электростанции, не выделяя ни выбросов, ни тепла, вырабатывают энергию для электрических автомобилей и самолетов, для отопителей и кондиционеров, заводов по переработке мусора, накопившегося в Мировом океане и на околоземной орбите. Все материальное производится на каком-то принтере не из сырья, добытого в недрах, а из того материального, что было ранее произведено на этом же принтере и пришло в негодность или просто устарело. В основе сельского хозяйства – какой-то другой, но тоже принтер. Всю работу, кроме высокоинтеллектуальной, выполняют роботы. Рост населения давно прекратился, так как напрямую связан с недостатком благосостояния, а недостатка этого больше нет. Удел этого сократившегося населения – непрекращающееся духовное развитие и творчество. Очередная актуальная задача, стоящая перед человечеством – колонизация других планет, но не потому, что на этой жить уже невозможно, а потому, что мысль и наука не могут не двигаться вперед.

Вот такую картинку видят (с удовольствием) и экономисты, и большинство населения. Насчет

большинства населения – конечно же, лишь мое предположение, основанное на моей личной статистике, основанной на общении со знакомыми мне людьми.

Но в то время как одни новые технологии направлены на сбережение среды, другие направлены на разрушение. Например: разработка все новых химических чудес для повышения урожайности, массовое, можно сказать «цельновидовое» химическое уничтожение «вредных» насекомых, выпуск великого множества доселе неизвестных веществ, воздействие которых на среду еще не изучено. Новые технологии обогащения, ведущие к добыче более бедных ископаемых в условиях исчезновения богатых. Эту картинку можно раскрашивать до бесконечности…

Какая тенденция возобладает?

Вне зависимости от того, полезно какое-то конкретное техническое новшество для среды или вредно, от того, каких технических новшеств – вредных для среды, или полезных – внедряется больше, технический прогресс направлен на повышение доступности благ. Рассмотрим для примера строительную отрасль при помощи картинки.

Посетил я как-то палеонтологический музей в Бресте. Музей – большое современное здание, сооруженное над раскопками доисторической деревни. От деревянных домов, построенных несколько тысяч лет назад, остались лишь окаменевшие нижние венцы, смотреть особо не на что. Основное впечатление от просмотра – это осознание сверхмалости жизненного пространства, которым располагали жившие в этой деревне люди. На площади в две – три сотки расположено несколько десятков домов. Между домами – полметра или метр. Типичный дом –

примерно два на два метра. Ну, или три на три. И ведь там, наверное, жила семья. Почему было не жить попросторней? Может, дерево было в дефиците? Налоги непомерные на жилплощадь?

Все проще. Попробуйте каменным топором построить нормальный бревенчатый дом – жизни не хватит. А ведь его надо еще и топить. Домик два на два можно и хворостом, а нормальный – уже только дровами. Не протопить его при помощи каменного топора. Лишь при помощи нормальных топоров и пил человек смог жить попросторней. А вот бы каждому свою комнату! Маме, папе, и всем девяти деткам! Но ведь по продолжительности жизнь деревянного дома сравнима с жизнью человека. Настроил бы комнат, да зачем? Помру, и дом сгниет, все равно деткам свои строить придется. Но вот прогресс дошел до кирпича. Кирпич, конечно, немалых денег стоит, и класть его – серьезная работа, но есть смысл – строить и себе и внукам. А сегодня? Типичная молодая семья среднего достатка – мама, папа и ребеночек (только что родился) – строит типичный бюджетный коттеджик. На сколько «квадратов» замахнемся? На сто? На двести? Да давай уже на триста! Лишними не будут. Подумаешь, на десяток кубов бетона больше уйдет на фундамент и на пару сотен полистиролбетонных блоков на стены. Это же копейки!

Сколько сегодня «квадратов» мы имеем на каждого? В Советском Союзе шесть на душу считалось нормой, а сегодня у меня нет ни одного знакомого, кто бы так ютился. Сто уже не считается излишеством. Одного знаю – один в четырехстах метрах проживает, а это больше, чем вся доисторическая деревня. И это далеко не олигарх. И это далеко не предел его потребностей. После того как достроил вторую баню, (ту, в которой дверь в парилку

наоборот), он решил виллой заняться. А сколько на каждого из нас построено торговых площадей, офисных, административных? Автострады, автостоянки, стадионы… Свободного места на Земле все меньше… Но технический прогресс и с этим справится. Когда я был маленький, дома в моем городе были по большей части пятиэтажные, потом стали появляться девяти, шестнадцатиэтажки. А сегодня и тридцатью никого не удивишь, вот уже и первый небоскреб в нашем городе построили: прогресс в строительных технологиях не остановить. И все это не только отапливается, но и кондиционируется: благодаря новым технологиям это не только возможно, но и доступно. И строительство продолжается – и жилья, и всего остального.

Технический прогресс не только делает более доступными уже известные блага, что ведет к росту их производства, но и рождает новые, доселе неизвестные. Направленность технического прогресса, его вектор – однозначно – на ускорение роста и полное использование всех ресурсов. Просто иногда он делает приятные для среды дела, например: повышение экономичности и экологичности двигателей.

Хотя сказать, что экономическая наука вовсе не видит последнего противоречия, нельзя. Вот, например, в учебнике экономической теории под редакцией Г. П. Журавлевой, где данное противоречие, как и в других учебниках, не значится в списке противоречий, написано: «Эксперты ООН подсчитали, что если уровень потребления США (которые потребляют 30 – 40% мировых ресурсов) перенести только на одну страну – Китай, планета этого не выдержит. Стандарты жизни США, на которые принято ориентироваться, таковы, что существующие производственные ресурсы создадут непомерную

экологическую нагрузку на нашу планету». К сожалению, не указано, какие эксперты, когда, в каком докладе. Сам я найти материалы, на которые ссылаются авторы учебника, не смог. Видят экономисты это противоречие, но, видимо, считают его проблемой куда меньшей, нежели проблема обеспечения дальнейшего роста, и не сомневаются, что в конечном итоге оно, противоречие, будет успешно преодолено. Как-то само разрешится, возможно, благодаря, «невидимой руке» рынка, которая уже смогла разрешить множество противоречий, или же работе государства, которое для того и существует, чтобы разрешить те проблемы, которые не по силам «невидимой руке». Именно так: вот проблема, а вот – как будет здорово, когда проблема будет решена. Как поет Верка Сердючка, «Харашо! Все будет харашо! Все будет харашо, я это знаю!» Кто ее будет решать, когда и как – не наше, экономистов, дело. Выходит, что:

1. Либо современная экономическая наука, не предполагающая альтернатив капиталистической экономике, видит свою задачу исключительно в поиске путей беспрерывного максимально возможного роста. Вопрос согласования этого роста с возможностями среды экономическая наука не относит к своей компетенции.
2. Либо, опять же, не видя альтернатив рынку и понимая, что рост – не только цель, но и способ существования капиталистической модели, а раз так, то в рамках этой модели механизма разрешения последнего противоречия просто не может быть, стыдливо обходит данную тему, ограничиваясь лишь упоминанием ее вскользь (правило хорошего тона современного экономиста).

Думаю, второй вариант ближе к истине. Не знают экономисты, как примирить рынок и среду. Не хотят знать другой, не рыночной экономики. Потому и пропускают в своих работах самые важные на сегодняшний день главы, а то и не главы даже. Если для спасения цивилизации необходимо остановить физический рост и начать снижение, то кто, если не экономисты, должны родить новую теорию, руководствуясь которой это можно сделать? Не видят альтернатив рынку? Пусть придумают, как это сделать в рамках рынка. Не получается? Пусть рожают теорию перехода к другому устройству. Но пока таких теорий нет, хотя на сегодняшний день создание их – главная задача экономической теории. Если не единственная.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Теория теорией… Каждый день на практике занимаются экономикой миллиарды экономических субъектов, которым нет дела до теорий, прогнозов, пределов. Их интересует только рост. Собственный рост. Корпорации пытаются завоевать еще большую долю рынка, инвесторы думают о вложении средств в завтрашний рост, работники – о росте зарплаты. И рыночная экономика своими невидимыми руками заставляет всех их – всех нас – постоянно искать возможности для роста, ибо если их не найдем мы, то их непременно найдут другие. И тогда вырастут они, а мы утонем. Для нас лично это важно, а для системы – рыночной экономики – нет. Общий рост продолжится, а следовательно, все хорошо. Это и есть конкуренция, одна из основ рыночной экономики, решающая задачу обеспечения максимально возможного роста. Кто плохо плавает и должен утонуть, пусть теперь подумает, как плыть лучше. Это нормальная каждодневная рыночная практика. Как ее

совместить с необходимостью прекратить рост и начать снижение?

Собственно, периоды снижения экономики происходили раньше и происходят сейчас регулярно. Кризисные периоды. Россия живет при капитализме не так давно, но этой недолгой истории уже достаточно, чтобы понять, что кризис – неотъемлемая часть роста. Кризиса боятся все, в особенности – правительство. Хотя, казалось бы, что за горе – ВВП не вырос в этом году или упал на пару процентов?

Представляете, мой личный доход не растет уже много лет, и меня это полностью устраивает. Я могу жить так всю жизнь, никакого кризиса, если, конечно, все мои соседи не накупят барахла сверх всякой меры, и не станут, при встрече со мной и с моими детьми орать на всю улицу: «Привет, нищеброд!». Даже если доходы моей семьи снизятся на пару процентов, я не замечу. Попробуйте не носить с собой в магазины скидочные карточки. Скажется это как-нибудь на вашем благосостоянии? От чего такого заметного вам придется из-за этих трех процентов отказаться?

Допустим, произошло снижение доходов на десять процентов. Вроде, существенно. Придется от чего-то отказываться. От чего? Не знаю. Наверное, буду жить, как жил, но вот отпуск подойдет… Посмотрю на свой дебет-кредит, и скажу семье: «На месяц, как обычно, на море не поедем. Восемнадцати дней вполне достаточно. А может, куда поближе? Что все на море, да на море?..» В общем, тоже никакой трагедии.

Наполовину снизились доходы… Все, милые мои, садимся на макароны! Вот только когда – при снижении

доходов наполовину или больше – я скажу: «У меня кризис!» А почему бы всем не уменьшить свои доходы – добровольно – на безобидные 2-3% в год? Ну, ради будущего цивилизации? Или почему государству не начать стимулировать своих граждан к незначительному снижению потребления, или просто ограничивать, запретив кричать: «Кризис!»?

Я готов. Но где-то кто-то работает экономистом. Вчера он добросовестно трудился, ускоряя рост фирмы, получал хорошую зарплату, делал карьеру, строил планы на будущее, а сегодня: «Извини, дорогой товарищ, рост фирме не нужен – бережем природу. Так что иди себе с миром. Вот тебе пособие – на макароны хватит. Добро пожаловать в кризис». Следом за экономистами и членами их семей, которые не поехали в отпуск, попадают в кризис авиакомпании и туроператоры, по мере роста количества пострадавших от кризиса в него втягиваются производители вкусненького, строительная индустрия. А производители услуг, процветающие во времена, когда людям деньги девать некуда? Откроем любую газету объявлений: тренер по караоке, флорист, расслабляющий массаж, специалист по устройству газонов, ландшафтный дизайн, голуби на свадьбу… Эти специалисты только при намеке на кризис лишаются работы полностью. Вклады в банки не понесли, а кредиты отдавать не спешат: вот и банковский кризис подоспел, биржи попадали. Хорошо все только у производителя макарон. А остальным, хлебнувшим кризиса, уже наплевать на экологию, пределы, необходимость всемирного снижения потребления – они бедствуют. Они уже готовы делать любую, самую вредную для экологии, работу, свергать правительство, неспособное обеспечить нормальную жизнь, пережить цивилизационную катастрофу от чрезмерного потребления.

А начиналось все так хорошо: пара процентиков во спасение человечества. И вот уже правительство объясняет все мировой коньюнктурой, субсидирует авиаперелеты на курорты и покупку новых автомобилей. А что ему остается? Чтобы два процента снижения были безобидными, их надо размазать тонким слоем по всей экономике, по всему населению. Кого-то запретить увольнять, какие-то фирмы не дать закрыть, просто дав им денег, распределить по карточкам голубей на свадьбы, оплатив это из бюджета. А деньги взять у макаронной промышленности: неприлично наживаться на сбережении среды обитания. Но где же тут рыночная экономика? Получилась административно-командная. В капиталистической стране на правительственном уровне даже заговорить о снижении – значит, спровоцировать кризис. Так что, покуда экономика у нас рыночная, никакое плановое снижение невозможно. Рост – условие нормального функционирования рыночной экономики. Если его нет – кризис, который вынуждает всех, – правительство, бизнес, наемного работника – срочно искать пути роста, пусть даже в обход выбранного и утвержденного направления движения общества и закона.

Рынок – механизм, запрограммированный на полное использование всех ресурсов. Чем менее доступным становится ресурс, тем он становится дороже, а стало быть, оправдано внедрение более дорогих технологий. Пока что-нибудь – не важно, что– еще можно добыть, добыча будет, ценой каких угодно затрат – все окупится и принесет прибыль. Пусть рост при этом и будет «нерентабельным». Примеров – сколько угодно. По мере обеднения морей рыболовные суда ходят все дальше, используют все более «прогрессивные» методы лова, расходы на каждую выловленную рыбку растут. Но это будет продолжаться и

дальше, так как морепродукты медленно, но верно, дорожают, превращаясь из доступной еды для бедных всего мира в деликатес для богатых, а раз так, то выловлено в результате окажется практически все. И запреты, если они появятся, и международные договоренности не помогут. Во-первых, всегда найдутся страны, которые не присоединятся – как Норвегия и Япония игнорируют отказ большинства стран от ловли китов, а во-вторых, любые ограничения на использование ресурсов кратно поднимают на них цену, что ведет к образованию преступных сообществ по добыче этих ресурсов. Или вот очень актуальный сегодня пример: сланцевая нефть. Сегодня ее цена балансирует на границе рентабельности, но стоит мировым ценам на нефть сдвинуться вверх, и сразу начинает расти ее добыча. Нет сомнений в том, что когда традиционной добычи станет не хватать и цены увеличатся навсегда – а это, вероятно, случится, так как легкой для добычи нефти в мире практически не осталось, - и сланцевая будет добыта, несмотря на чудовищный вред этого процесса для экологии. Вся.

Кстати, пределы роста для экономики – тоже ресурс, на котором можно – и нужно – вырасти.

Картинка

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ АЛЕКСАНДРЫ КИРИЛЛОВНЫ, ИВАНА КИРИЛЛОВИЧА И ГРИГОРИЯ КИРИЛЛОВИЧА.

Собрались дети мои, как я и советую им в инструкции, в сороковых годах в родительском доме. Гриша:
– Вань, что случилось? Что за срочность? Дел по горло, еле выживаем, а ты: «Хватай семью! Все сюда! Срочно!»
– Не шуми. Просто пришло время выполнить отцову инструкцию.

Саша:
– Какую инструкцию?
– Отец говорил тебе, да ты, видно, забыла.
– Напомни…
– В его книге, той, что с картинками, есть инструкция для нас, что делать, когда жизнь на Земле станет невыносимой.
– А она стала невыносимой?
– Да, - согласился Гриша, - жить еще можно.
Иван открыл «Книжку с картинками»:
– В инструкции сказано, - и стал читать: - «Сигналом к началу действий по спасению Александры, Ивана, Григория и их семей от надвигающейся цивилизационной катастрофы будет начало развала государственных структур, на что укажет одно из событий:
1. Посаженную кем-то из вас или ваших знакомых у себя на огороде картошку убрали в присутствии хозяина молодые вооруженные люди, ответив на гневный протест хозяина: «Еще слово – и пойдешь на отбивные к нашей картошке!»
2. Кто-то из вас или ваших знакомых ответил своему ребенку на просьбу купить игрушку: «Нет! Деньги – только на еду! Собственно, еда – это и есть деньги!»
3. Кто-то из вас или ваших знакомых, став жертвой преступления со стороны полицейских, обратился за защитой к вооруженным молодым людям, занимающимся уборкой картошки». Так вот, – продолжил Ваня, отложив книгу, – вчера вечером ко мне заходил Мотя, и рассказал, что у него был отвратительный день: с ним произошли все эти три события.
– Жалко Мотю. А нам что теперь делать?
– Действовать по инструкции: брать семьи, все съестное и теплое и перебираться жить на «базу».
– Это в папину хибару в За…
– Тихо! Название населенного пункта произносить вслух запрещено!

– Кем?
– Инструкцией.
– И жить там тремя семьями? Да как мы там поместимся? А Мотю тоже с собой позовешь? Корефан ведь твой.
– Когда-то давно, еще в школьном возрасте, пришел Мотя ко мне в гости. А у нас – баня натоплена. Пошел он с нами в баню, и отец там, уж не помню, к чему, рассказал про базу. Точнее, про планы по созданию базы – ее самой-то еще не было. И Мотя спрашивает: «А мне можно будет с вами на базу?»
– И что ответил папа?
– Что Боливар не выдержит колхоз.
– А нас, три семьи, выдержит? Жрать там что?
– Первое время можно пожить и в палатках. Главное – на своей земле, за своим забором. А за лето надо сговорить местных податься всем поселком на Север, в тайгу, и там организовать новую деревню. Отец там место присмотрел – километров в ста пятидесяти от За…
– Тихо, тихо!
– Да, да…
– А мы как найдем?
– Место – на карте. Карта – в схроне. Кроме карты там тонна тушенки, мешки соли, оружие, порох, инструменты, одежда, таблетки… Книги: по целебным травам и знахарскому врачеванию, по оленеводству, про полезные ископаемые – как в старину искали золото, руды, как из них металлы выплавляли. Про выращивание репы и устройство пасеки.
– Да зачем нам руды выплавлять? За тонну тушенки дворец купить можно!
– Потому и можно, что он никому не нужен.
– А схрон где?
– Я знаю. – гордо сказал Иван. – Отец ведь со мной всю эту «базу» организовывал. Тебе было не до того – ты уже в

институте училась, а Гриша еще маловат был. А мне было шестнадцать. Сели мы с отцом в машину и поехали на Север, подальше от городов. Ехали, пока дорога была. А когда она закончилась, остановились в центре последнего поселка. Прямо на площади, если это можно назвать площадью. Идет местный. Отец его спрашивает:
– У вас тут ГАИ есть?
– Да ты что?! - перекрестился мужик. – Мы ГАИ тут отродясь не видели.
– Хорошо, – говорит отец и ставит прямо на дороге возле машины столик, на столик – огромную бутыль водки, хлеб, сало порезал. Только бутыль открыл – сразу вся деревня сбежалась. А водки-то полный багажник! Только багажника ненадолго хватило, мы еще два раза в райцентр в магазин гоняли. Так и поил отец до утра всю деревню. Со всеми перезнакомился, нашел домик для базы. Через неделю опять приехали, снова с водкой. Отец опять неплохо попил, дом купил, с ближайшими соседями подружился – с Федей да с Вовой. Разрешил им в доме пить, чтобы жены не видели, баню топить – заодно и присмотрят, пока нас нет. А потом, уже в последующие годы, когда приезжал туда, стал ходить на охоту, нашел место для будущей деревни, сделал схрон. Постепенно его заполнял. Ну, и поить деревню не забывал иногда. Его знаешь, как там любили! Увидят вдалеке нашу машину и бегут, орут по всей деревне: «Киря! Киря приехал!» Он к «базе» подъезжает, а там уже целая демонстрация с закуской!
– Да, – подумал вслух Гриша, - за отцом деревня пошла бы на новое место. А мы – кто такие? Да и с чего вдруг местные все бросят и пойдут с нами строить новую деревню? Потому, что наш папа что-то там для нас написал?
– Эти ребята, которые вчера к Моте заходили, после того как не только картошку, а вообще все уберут здесь,

двинутся дальше. Доберутся и туда. Местные и сами поймут, что от людей надо где-то схорониться. А тут мы. Наследники папы. А папа наш был не такой дурак, каким казался. В схроне – спирт. В пересчете на водку – две тысячи бутылок! За нами не пойдут, так пойдут за папиным наследством.

– И как мы там жить будем, в новой деревне, которую еще надо построить?

– В тайгу на всю жизнь?

– Жить там надо, как раньше в тех местах люди жили. Лесом жить. Охота, рыбалка, олени. Что-то там еще и вырастить можно: картошку, репу. А может, и что посущественней – климат-то потеплел. Речка там есть, но не такая, чтобы туда по ней можно было на моторке приехать. Вот так обособленной деревней и выживать, дороги туда нет. Только пешком – неделя ходу, если налегке. Или на вертолете, только они нынче не летают. Ну, а насчет всей жизни – это как пойдет. Надо будет вести разведку: что там, в цивилизации, делается. Когда жизнь устаканится – излишки населения друг друга съедят, оставшиеся привыкнут к новой жизни, образуется какая-то новая страна, какая-то новая, или, скорее, старая государственность… В общем, когда тут станет жить лучше, чем в нашей деревне, тогда можно из леса и выйти. Ведь этот план для того, чтобы пересидеть самый страшный – переходный – период, который наиболее жестоким будет в местах наибольшего скопления людей.

– А почему самый страшный период нужно пережидать на Севере, где только репа растет, да еще растет ли? Почему не пойти на юг, где растет все?

– Туда, где растет все, все и пойдут. И там и будет место наибольшего скопления людей.

– Может, и на старые места получится вернуться.

– Вернешься, а тут уже живет кто-нибудь.

– Кто его знает. Может… живет, а может, и вся улица пустая. Народ повымер, сбежал, поубивал друг друга с голодухи.
– Да что думать? К схрону двигаться надо. Пожрать охота!
– И выпить!

…Это я для своих детей такой план спасения придумал – никого больше на нашу «базу» не приглашаю. Вот, допишу последнюю книгу, еще парочка дел недоделанных осталась. А потом, перед тем, как начать спиваться и толстеть, думая о вечном и готовясь к инфаркту, который, на мой взгляд, предпочтительней не только Альцгеймера и Паркинсона, но также и маразма, и займусь: и «база» будет, и схрон. Воспользуются ли мои дети этим или нет, их дело. Мое – создать для них возможность. И хватит об этом. Давайте теперь вернемся к тому, что пределы роста для экономики – ресурс для продолжения, а может, и ускорения роста в период последней агонии.

Я собрался затолкать в свой схрон тонну тушенки и тонну водки. По мере приближения катастрофы людей, желающих получше подготовиться к непонятным временам, станет больше, а может, и много больше. Что захотят припасти в своих схронах они? Мобильные генераторы и топливо к ним? Вездеходы? Кто-то не пойдет в тайгу, а выроет себе бункер под собственным домом, оборудует его по последнему слову техники, чтобы в комфорте переждать лихие времена, а другие, не представляя себе жизни вне многоквартирной высотки рядом с супермаркетом, скинутся на строительство подземного небоскреба и склада всего необходимого для нормальной жизни на десять лет вперед. Рынок, отвечая на спрос, немедленно создаст новый сектор экономики – индустрию подготовки к катастрофе, что саму

катастрофу только приблизит, так как потребует дополнительных ресурсов и увеличит физический рост – вглубь.

К ускорению роста ведет и глобализация – естественный процесс, происходящий в ходе развития капиталистической экономики. Хоть сегодня мы и наблюдаем всплеск протекционизма, торговых и санкционных войн, это не позволяет говорить о конце глобализации: этот процесс не прекращался никогда на протяжении истории, развиваясь то быстрее, то медленнее. Вот и сейчас, глобализация не прекратилась. Она лишь прекратила свое взрывное ускорение, связанное с использованием цифровых и информационных технологий.

Даже при отсутствии кризиса, при наличии нормального для экономики роста, при капитализме неизбежно наличие бедных. Расслоение по имущественному признаку – родовая черта капитализма. То есть даже при росте экономики, всегда будут массы людей, которых этот рост не удовлетворяет. Им жизненно необходим еще больший. Пусть не рост всей экономики, пусть только рост личных доходов. Но личные доходы и есть часть всей экономики. И после достижения этого роста ситуация не изменится: будут массы людей, которым жизненно необходим еще больший.

… А как быть с «системой»? Той, которая один раз – случайность, два – закономерность, три – система? Очень просто. Рыночная экономика систематически преодолевает любые препятствия на пути своего роста, благодаря своим «невидимым рукам», а задачи по стабилизации или снижению перед ней пока еще не стояли. Это задача

другого рода и «система» тут не сработает. «Рука», способная осуществить снижение, у рынка не невидимая. Она – отсутствующая. Для решения задач снижения без серьезнейших потрясений в жизни общества у рыночной экономики потенциала нет. Нужна другая.

ГОСУДАРСТВО

Неспособность рыночной экономики снизить производство или хотя бы ограничить рост в то время, когда это необходимо для спасения цивилизации (когда еще не поздно), можно смело отнести к «провалам» рынка, таким же, как неспособность обеспечить производство благ общего потребления или бороться с монополизмом. А кто должен компенсировать провалы рынка? Конечно, государство. Об этом в любом экономическом учебнике написано. Именно оно компенсирует «провалы», или неспособность рынка. Даже не неспособность, а непредназначенность. Кстати, когда мы говорим о том, что рынок смог преодолеть Великую депрессию, не допустить обнищания масс и избежать социальной революции, это верно лишь отчасти. Великая депрессия случилась как раз из-за неспособности рынка самостоятельно устранить накопившиеся противоречия, а вот выход из нее стал возможен лишь благодаря государству, которое, следуя советам кейнсианской теории, серьезно вмешалось в экономику. А можно ли уповать на государство в деле преодоления последнего противоречия?

Надо сразу оговориться, какое государство. Коль скоро мы рассматриваем вопрос о том, способно ли оно сделать то, что не способна сделать рыночная экономика, то государство наше – с рыночной экономикой. А раз так, то

можно смело считать его демократическим. У политологов нет единого мнения по поводу наличия демократии в России, Китае, еще во многих странах. Даже насчет Западных стран, и то найдутся желающие поспорить. Я же предлагаю не вникать в этот вопрос и даже его не касаться, а сойтись вот на чем: демократия – не рюмка с водкой: либо она есть, либо ее нет. Это, скорее, водка в рюмке. Можно отпить, и станет меньше, а можно и долить. Даже в Советском Союзе, общественный строй которого признан всем миром и даже самим СССР авторитарным, наше тогдашнее руководство живо интересовалось мнением народа и вынуждено было с этим мнением считаться. Фактическая сторона дела: руководство СССР учитывало это мнение при принятии государственных решений. То есть сказать, что в СССР демократия отсутствовала полностью, мы не можем. В государстве с рыночной экономикой, пусть даже большинство экспертов мира считают его режим авторитарным, у народа еще больше рычагов воздействия на принятие государственных решений. Там любой человек, любая фирма – субъект рынка, то есть обладает экономической свободой и экономическими возможностями, и в случае недовольства государственной политикой может не инвестировать, уклоняться от налогов, выводить из страны деньги и т.п. Пусть где-то демократии больше, пусть где-то меньше, но она все равно есть. Именно поэтому политологи выстраивают страны в ряд – во главе списка страны с «большим количеством» демократии, в конце – с малым. Эти места не постоянны. Одни страны, бывает, поднимаются выше по списку, другие – наоборот. Да, список обычно поделен на три части: наверху страны «очень свободные», в середине – ни то, ни се, в конце – «несвободные». Причем разные исследователи проводят эти границы в разных местах своих списков, так что, сказать

уверенно, что в какой-то стране отсутствует демократия, вряд ли возможно. На наших глазах в России за достаточно короткий период произошли события, серьезно меняющие уровень демократизации: например, резкое снижение значения Совета Федерации как самостоятельной ветви власти, способной заблокировать решения других ветвей, когда в нем перестали заседать избранные прямым голосованием губернаторы, которых не мог снять никто, даже если они «вышли из доверия». …Отпили демократии… Или раз – и приняли «Закон о партиях», позволяющий кому угодно – хоть мне – создать политическую партию и участвовать в выборном процессе просто имея идею, в то время, как до принятия закона надо было создать партийные структуры в определенном количестве субъектов, иметь количество членов не менее такого-то, еще масса разных условий. …Долили…

Итак, может ли более или менее демократическое государство стимулировать, направить или заставить собственную рыночную экономику решать задачу снижения или хотя бы прекращения роста?

В демократическом обществе предусмотрен следующий механизм изменения вектора развития: общественная организация – политическая партия – выносит на обсуждение в рамках выборного процесса идею такого изменения, и если большинство общества эту идею поддержит – пожалуйста, рулите, куда считаете нужным.

Возможность появления политических партий, имеющих в своих программах прекращение экономического роста, кажется мне достаточно высокой. Подчеркну: в ближайшее время. В отдаленной перспективе – в точке, близкой к точке

максимального роста, в этом просто не будет смысла, так как изменить что-то будет уже невозможно.

Озабоченность населения экологическими проблемами сейчас высока, и она возрастает. Мы видим набирающее силу «Зеленое» движение: только в России сегодня три «Зеленые» партии. Очень простое действие: одна из них, желая выделиться из общей массы, становится из «зеленой» - «предельной». Цели партии не меняются, это как было, так и осталось сбережение среды, а средства меняются. Вместо борьбы за экологию, при согласии с общим направлением на экономический рост – прекращение роста, как первопричины всех экологических проблем. Программа такой партии в двух словах: государство проводит меры по ограничению роста и началу снижения, заранее разработав и приняв меры по борьбе с последствиями грядущего за этим кризиса. Главное в программе – как раз и есть эти меры. Не знаю, что это может быть, но мне видится система распределения товаров первой необходимости – карточная, система перераспределения доходов, обеспечивающая недопущение снижения уровня жизни бедных слоев общества за счет значительного снижения доходов богатых. Но где тут рыночная экономика с ее экономической свободой и конкуренцией? Найдется немало тех, кто посчитает такие меры «левой» социальной революцией.

Я считаю появление таких партий вероятным еще и потому, что на фоне сегодняшнего полного отсутствия свежих идей в сфере общественного развития это – возможность обратить на себя внимание, обрести известность, а значит, что-то заработать на идеях «Пределов роста».

Получение же такой партией хоть сколько-нибудь значительной поддержки сегодня кажется мне совершенно невероятным. Опять же, завтра будет поздно. Ну как может население страны – любой – добровольно, своими руками, устроить у себя в стране кризис, в то время, когда для него нет никаких видимых предпосылок, а все остальные партии соревнуются друг с другом, предлагая методы обеспечения возможно большего роста? Это в условиях, когда каждый из нас общий экономический рост связывает напрямую с собственным благосостоянием, которым почти каждый из нас недоволен. Как показывают исследования, даже миллионеры в США массово недовольны своими доходами.

Даже если допустить, что идеи ограничения роста, пусть даже ценой серьезных ограничений и страданий для населения, станут очень популярны в какой-то стране, все равно там есть часть населения, которая ни при каких условиях не согласится на ограничение роста – представители бизнеса и члены их семей. Дело не только в их ментальности, но и в том, что наибольшее снижение доходов предполагается именно у них. Они будут всемерно противодействовать этим процессам, и если численно эта часть общества не велика, то возможности ее по противодействию государственной политике существенны. Когда в разгаре была «озоновая история», то фирма «Дюпонт», тогдашний лидер по производству фреонов, бросила миллионы долларов на дискредитацию идеи борьбы с уничтожением озонового слоя. За свои прибыли бизнес, как ему и положено, готов был совершить любые экологические преступления, хоть все живое на планете уничтожить. А сколько будет брошено на недопущение действий, направленных против глобального потепления, когда эти действия затронут интересы бизнеса?

Миллиарды? На противодействие общему планомерному снижению экономики – триллионы?

Если предположить невозможное (партия «пределов» пришла к власти в какой-то стране), бизнес сделает все возможное, чтобы она немедленно ушла обратно. И это будет не трудно: количество согласных с ее программой начнет уменьшаться при первых же трудностях. Да и сама партия наверняка с первых шагов наделает ошибок, которые приведут к куда большим трудностям, нежели те, на которые население согласилось сначала. Это и есть один из главных недостатков демократии, о котором давно говорят политологи и экономисты: невозможность проведения серьезных длительных реформ из-за необходимости постоянно проходить процедуру выборов. Реализация в демократическом обществе «Программы построения такого-то общества» невозможна.

Для реализации в демократическом обществе любой длительной по срокам программы необходимо в процессе голосования о начале действия программы проголосовать и за отмену демократии до конца действия этой программы. Причем, если еще вчера это были лишь рассуждения теоретиков, так как развитые демократии демонстрировали отрыв в развитии во всех сферах, то сегодня есть и практические подтверждения: Китай при отсутствии полноценной демократической процедуры за несколько десятилетий превратился из аграрной страны в мирового экономического лидера, а экономика США, оплота демократии, за то же время из безусловно лидирующей превратились в самую великую в истории экономическую пирамиду, краха которой и ждет, и боится весь мир. Когда это случится, то мало никому не покажется, но экономики развитых демократий эта рухнувшая пирамида, скорее

всего, под собой похоронит. Не повод ли это подумать, а действительно ли демократия – лучшее устройство общества, до которого додумалось человечество?

Есть в этом вопросе и внешний аспект. Государства находятся в окружении других государств, конкурирующих между собой, использующих в этой конкуренции все методы, включая войну. Они, не приняв идей ограничения роста, не преминут воспользоваться преимуществами, которые дает им сосед, добровольно сдерживающий собственную экономику. Сдерживая экономику, государство непременно столкнется с бегством капитала, утечкой мозгов. Далее – падение уровня образования, технологическое отставание. А это уже попахивает снижением обороноспособности, на что нельзя пойти при отсутствии действенного международного права.

Давайте вспомним, как на протяжении десятилетий, Советский Союз своей экономической системой фактически сдерживал рост потребления собственных граждан и стремился приобщить к этому максимально возможное количество других стран. Почему бы Западу, и тогда считавшему себя интеллектуальной элитой мира, да к тому же будучи уже ознакомленным еще в 1972 году с наличием пределов роста, не помочь социалистическому лагерю в этом очень выгодном для Запада деле? Ведь чем больше стран вступали в этот лагерь и чем медленней росло там благосостояние, тем на более позднее время сдвигался выход за пределы в планетарном масштабе, конечно, если бы страны социализма не производили столько оружия. А его столько и производили, потому, что знали: отстанешь – растопчут. А Запад этого и не скрывал. И сейчас не скрывает. И речь не только об отношении именно Запада именно к России. Мир построен по праву сильного, где

сильный пожирает слабого. Так было, есть, и нет оснований полагать, что изменится в будущем.

Рассуждая о том, может ли государство противостоять приближению катастрофы вследствие выхода за пределы роста, надо также вспомнить и о том, что оно не всесильно. Есть наднациональные корпорации, чьи интересы могут расходиться с государственными. А в случае, когда государство пытается ограничить рост экономики, наверняка будут расходиться. А это противостояние. А наднациональные корпорации – сила. Вот как об этом пишет польский экономист Гжегож Колодко в книге «Мир в движении»: «…сто лет тому назад – на сцене глобализации господствовали национальные государства, очень сильные, с имперскими амбициями и интересами. Тогда владельцы наднациональных концернов и международные инвесторы, хоть и росла их мощь, чаще всего стояли в прихожих политиков, сегодня наоборот. Потому что в наше время, как никогда прежде в истории, наднациональный капитал имеет свободу выбора, и это отнюдь не ограниченный выбор вариантов для инвестиций – например, в Нормандию или в колониальный Алжир, - а практически безграничный выбор вариантов инвестирования по всему миру, часто почти без оглядки на государства и их правительства. А у этих последних выбор все меньше. Власть же у тех, у кого свобода выбора».

Кроме того, есть еще один фактор. Власть – не единый механизм, не единый разум. Она состоит из конкретных людей. Есть теория общественного выбора К. Эрроу и Д. Блэка. О том, как чиновники используют институты государства в личных интересах. Речь не о коррупции, а о процессах принятия государственных решений в политике и экономике. Сфера госуправления рассматривается как один

из сегментов рынка. Если бизнесмен видит свою цель в максимизации прибыли, то представитель государства – в максимизации своей личной выгоды в виде рейтинга, возможности быть перейзбранным. И если интересы государства расходятся с его личными интересами, то руководствоваться он будет личными.

Получается, что государство в принципе не может решать задачу снижения из-за демократического устройства и наличия конкуренции с другими государствами. Здесь «провал» и у рынка, и у государства, причем на одном и том же месте.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Человек – ключевая фигура в рыночной экономике. Именно под удовлетворение потребностей человека «заточена» рыночная экономика. Может, люди, добровольно, осознанно снизив свои потребности, спасут собственную цивилизацию от краха?

Как субъект рынка, занимающийся производством и потреблением благ, человек – «экономический человек». Термин принадлежит А. Смиту и Д. Риккардо, хотя не они первые обратили внимание на человека, как на субъекта экономики. Вот, например, Аристотель… Представляю себе картинку, как Аристотель сидит посреди зеленого луга, где пастух пасет счастливо бе-е-екающее и ме-е-екающее стадо, из-за кустов и деревьев доносится смех крестьянок, собирающих виноград и оливки, а с другой стороны долетает звук молотка деревенского кузнеца. И вот, отхлебнув из кувшина вина, и закусив лепешкой, мыслитель накарябал кованным гвоздем на пергаменте: «Человек в

процессе хозяйственной деятельности стремится к удовлетворению своих разумных потребностей». Смит и Рикардо, видимо, творили не на зеленом лугу, а в задымленном трубами городе, под доносящиеся из соседнего завода удары парового молота. Бытие изменилось, и изменившееся в соответствии с этим сознание экономического человека они охарактеризовали так:
– Главный мотив хозяйственной деятельности человека – максимизация прибыли, обогащение.
– Его поведение продиктовано личным интересом, эгоизмом, постоянным стремлением улучшить свое положение.
– Если это купец или промышленник, так он вообще стремится обмануть общество, и даже его угнетать.

Но, - делают они вывод дальше, – ничего плохого в этом нет. Наоборот, все замечательно: законы рынка объединяют разрозненных эгоистов в упорядоченную систему, и они, эгоисты, действуя каждый в собственных интересах, сами того не желая, действуют в интересах общества.

Экономическому человеку было посвящено множество исследований и после Смита. Особенно мне понравились следующие их результаты…
– Дж. С. Милль: «Человек постоянно стремится к богатству, это стремление сопровождается отвращением к труду и желанием безотлагательно пользоваться самыми дорогостоящими благами».
– И. Бентам: «Его цель – благосостояние, которое есть сумма удовольствий минус сумма страданий».
– А. Вагнер: «Потребитель, главное свойство природы которого – постоянное ощущение нехватки благ и стремление эту нехватку устранить».

Ну как тут не согласиться? Человек – не рыба, всегда ищет, где лучше. Не где хорошо, а где еще лучше.

Есть, конечно, в экономическом человеке и что-то хорошее: ощущение чести, желание одобрения, стремление к деятельности как таковой, боязнь последствий праздности, осознание себя как члена семьи, общества, человечества…
Но эти качества, хоть и присутствуют, не являются определяющими. Определяющим в поведении экономического человека является безграничность потребностей. Удовлетворенная потребность непременно порождает новую. И это хорошо: развитие потребностей – движущая сила развития производства.

Не буду перечислять и излагать остальное, а просто переведу все сказанное об экономическом человеке множеством авторов на понятный любому, в том числе и не экономисту, язык. Экономический человек – это жутко жадное и бесконечно ленивое животное. Почему животное? Да потому, что неразумное! Любой человек разумный в состоянии понять, что надо беречь среду собственного обитания, так как она очень нужна ему самому и будет не менее нужна его потомкам, некоторых из которых он знает и даже любит, но это только тогда, когда он разумный, то есть не занят производством или потреблением благ и даже не думает об этих процессах. Но стоит ему этим заняться, то есть стать, пусть на какое-то время, человеком экономическим, как он напрочь теряет способность думать о среде и потомках. Не способен человек думать об этом, одновременно занимаясь работой по удовлетворению потребностей ценой минимально возможных затрат.

Любой представитель «золотого миллиарда» запросто может, лежа на диване, порассуждать о том, что если все жители планеты достигнут такого благосостояния, какое уже есть у него, планета кончится. Но стоит ему встать с дивана, как он уже трудится над дальнейшим повышением своего благосостояния. Порассуждать могут и представители не золотых миллиардов, но руководствоваться этими рассуждениями в своей экономической деятельности они не могут, так как каждодневно решают важнейшую для них практическую задачу: приблизиться по уровню потребления к «золотому» как можно ближе и как можно скорее, то есть работают над тем, чтобы приблизить этот конец. И весьма успешно работают.

Можно ли осуждать не «золотые» миллиарды за то, что они хотят стать «золотыми» или навроде того? Нет. Глядя на «золотой», они видят пример для подражания, а иначе и быть не может, так как зависть – совершенно естественное человеческое качество. Можно ли осуждать «золотой» за то, что он пытается не дать себя догнать? Тоже нет, так как жадность, ненасытность тоже является врожденным человеческим качеством.

А что, все люди таковы? Нет. В качестве примера человека, в котором разумность преобладает над завистью и жадностью даже тогда, когда он занят производством и потреблением, могу предъявить себя (привет Аристотелю).

Картинка АВТОПОРТРЕТ.

Я всегда, прежде чем удовлетворить какую-нибудь свою потребность, пытаюсь разобраться, чем эта потребность продиктована. Если необходимостью, то удовлетворяю ее, а

если нет, то нет. Например, питание и одежда мне объективно необходимы, но изысканное питание и одежду я считаю излишеством и не стремлюсь к изысканности, хотя вокруг себя и тут, и там вижу людей, посвящающих всю свою жизнь достижению изысканности в потреблении. Видя окружающее меня «демонстративное потребление», я считаю его проявлением потребительского маразма и не участвую в этом безумии. Именно поэтому я уже два раза в своей жизни, видя, что мои доходы начали превышать мои снижающиеся потребности, принимал решение собственные доходы снизить. И еще одну такую же ситуацию предвижу в скором будущем и планирую поступить так же.

Именно так! Мои снижающиеся потребности! Я давно понял, что они объективно снижаются. Когда-то я любил гульнуть с размахом: закатиться на полдня в кабак, литр - полтора водки, да подшлифовать пивом или шампанским, ну, и закуски, конечно, прилично требовалось, чтобы под стол не съехать. А сейчас я от такого просто умру. Когда-то я был холост, и у меня была жизненная потребность знакомиться с женщинами, и как следствие возникали потребности поприличней одеться, сводить даму в кафе или в театр и еще много других потребностей. Но вот я женился, и все эти потребности отпали. Когда-то у меня не было дома, и я остро ощущал потребность в нем. Но вот он есть, потребность удовлетворена, хотя и родила очередную – в мебели. Но вот и мебель есть. Все, больше мне никогда не понадобится дом, а мебель я куплю только тогда, когда она сломается, то есть потребности уменьшились. Вот недавно купил свою последнюю машину. Я планирую ездить за рулем до шестидесяти пяти, так как уверен, что потом в этом не будет необходимости. Езжу я мало, с каждым годом все меньше и меньше, так что мне от этой машины нужно

еще восемь лет службы и тысяч сто двадцать пробега. Она на это точно способна, так что мои потребности в автомобилях удовлетворены навсегда. Сейчас у меня трое несовершеннолетних детей, но уже через год несовершеннолетних останется двое, а еще через какое-то время все они станут не только совершеннолетними, но и самостоятельными. Раньше я мечтал о яхтах и путешествиях, экстремальных приключениях, богатстве и еще много о чем, но сегодня ни одной мечты не осталось. Какие-то реализованы и умерли, а какие-то рассосались сами, не дожив до реализации, как например, мечта о богатстве. Зачем оно мне, если, обретя его, я все равно не начну водить по кабакам женщин, не куплю дорогой дом, мебель и машину и не начну изысканно питаться и одеваться? А я не начну, так как необходимости в этом нет, а завистью к обладателям всего этого я не страдаю. Зачем мне много денег? Не для денег же! Налицо не возрастание, а снижение потребностей по мере их удовлетворения.

Так что, как видите, не у всех удовлетворенная потребность рождает новую, не все готовы немедленно употребить самые дорогостоящие блага. Есть люди, которые заняты удовлетворением разумных потребностей (еще один привет). Или люди, потребности которых ограничены разумом. Хотя справедливости ради должен заметить, что лично у меня такой знакомый только один – я сам. Все остальные мои знакомые – нормальные люди. Вполне экономические. Либо те мои знакомые, кто тоже считает, что удовлетворять надо лишь разумные потребности, стесняются этого и тщательно скрывают.

Впрочем, с утверждением об отсутствии у меня самого жадности, зависти, и безграничных потребностей тоже не все гладко. Смог бы я удержаться от потребительского

маразма, если бы у меня вдруг стало столько денег, что я не знал бы, куда их деть? Сейчас я не наращиваю свое потребление, не реализуя имеющейся возможности больше зарабатывать. А если бы зарабатывать стало не нужно? Если вдруг и на халяву? Суммы, позволяющей это проверить, у меня никогда не было, так что доказательств нет. Но я в себе уверен и готов поставить на себе эксперимент, если, конечно, кто-нибудь такое исследование профинансирует.

Можно, конечно, предположить, что я таков, потому что ленив, то есть самое обыкновенное жадное ленивое животное, но только гораздо более ленивое, чем жадное. Так вот, это не так. Смотрите: пишу книгу с целью спасения человечества и не жду за это награды. Не жду, не жду. Моя книга не защищена никакими правами, а использование контента в любых целях и без согласия автора приветствуется. Так что монетизировать сей труд я не собираюсь. Может, я на большее нацелился? На Нобелевскую? Так то, что я делаю, не пахнет ни литературой, ни экономикой. Да хоть бы и пахло: по экономике «Нобелевку» дают только лет через тридцать, когда теория будет подтверждена практикой, а если моя теория подтвердится, то к тому времени не будет уже ни премии, ни экономики, ни меня.

Много чего еще я в своей жизни сделал одновременно и тяжелым трудом, и бескорыстно. Лентяй – это тот, кто и за деньги не может заставить себя работать. Стал бы лентяй трудиться задаром? Как там, у признанных экономистов, сказано? Стремление к деятельности как таковой и боязнь последствий праздности… Много что я в своей жизни делал и делаю из этого стремления и этой боязни. А если бы мои потребности, как и положено, возрастали, то я, с моей-то энергией и талантами, удовлетворил бы их получше других,

и сумма давно бы уже была. Как говорится, не извольте сумлеваться.

Хотя на самом деле книгу я пишу не бескорыстно. Я свой интерес в этом понимаю так: если я не спасу этот мир, то где будут жить мои дети?

Заканчивая исследование себя как экономического человека, хочу сказать вот еще что: помните, в «Пределах роста 30 лет спустя», говорилось о варианте со стабилизацией численности населения в планетарном масштабе, который, будучи реализованным в 2002 году, позволил бы избежать катастрофы со стабилизацией уровня жизни на невысоком уровне – уровне европейца с низкими доходами. Когда я это прочитал, у меня возник вопрос: «А это кто?» И вот какой нашелся ответ…

В Европе высокий уровень жизни, о чем говорят средние уровни доходов в несколько тысяч евро. Самые большие в Дании, Швеции, и по убывающей – до Болгарии, Румынии. В пересчете на рубли по текущему курсу получаются сумасшедшие (для человека, живущего в России на зарплату) деньги. Замечу, что сравнение некорректно. Хотя бы по паритету покупательной способности посчитали. Но, несмотря на этот высокий уровень, в Европе остро стоит проблема бедности.

Евростат всю евробедноту делит на две категории. Первая – это те, кто находится «на уровне риска обнищания», которых в Европе 85 миллионов (!). Их бедность характеризуется тем, что они располагают медианным доходом менее 60% от общенационального. Заметьте, имеют доход. Не бомжи, не попрошайки. Медианный, если по-простому, это доход крепкого

специалиста: опытный экономист, бригадир, инженер. Но с чем кушать такую статистику, непонятно. Как можно жить на такую часть зарплаты крепкого специалиста? Как в Швеции и как в Болгарии? В Дании, например, такой доход все равно не одна тысяча евро. Это тоже «риск обнищания»? Однако в статистике нет оговорки о том, что массовый риск обнищания Дании не касается. Скрывают, чтобы не напрягать национальный вопрос, или в Дании с бедностью тоже все «в порядке»? Жить на такой доход, не имея детей, или имея несколько? Я могу понять, что это такое, лишь в отношении российской действительности. В регионе, где я проживаю, средняя зарплата – 40 тысяч рублей, медианная – чуть более сорока (точного числа не нашел). Стало быть, 60%, это 25 – 30 тысяч, и это никак не порог обнищания (мое мнение).

Следующая группа – менее бедная. Это 50 миллионов европейцев, которые испытывают «суровую материальную обездоленность». Вот она, эта обездоленность, характеризуется не цифрами, а вполне понятными любому человеку признаками. Всего их девять:
1. Нет возможности вовремя оплачивать ипотеку или наем жилья и коммунальные расходы.
2. Нет средств на поддержание достаточного тепла в доме.
3. Неготовность к непредвиденным расходам.
4. Невозможность потреблять мясо или рыбу через день.
5. Не могут позволить себе неделю в году отдохнуть вдали от дома.
6. Нет авто.
7. Нет стиральной машины.
8. Телевизора.
9. Телефона (любого).
Суровая материальная озабоченность по-европейски – это когда человек попадает под любые четыре пункта из этих

девяти. Мне показалось справедливым считать эти 125 миллионов европейцев, тех, кто стоит на пороге нищеты и материально обездолен, как раз теми «европейцами с низкими доходами», уровень жизни которых стал бы нормальным для всех землян, если бы с 2002 года осуществлялась программа ограничения численности населения, которая позволила бы избежать катастрофы со стабилизацией на невысоком уровне жизни.

С одной стороны, такая статистика заставила меня порадоваться – не за обездоленных европейцев, конечно, а за себя любимого. Моя многодетная семья, в которой на каждого приходится примерно полтора российских прожиточных минимума, живет лучше, чем 125 миллионов европейцев. Значительно лучше, т. к. мы не попадаем даже под один из девяти признаков – правда, в силу того, что у нас есть собственное жилье, нет ипотеки или трат на наем. Но, если бы они были, мы бы справились: есть «излишки». Например, в отпуск мы обычно ездим не на одну неделю, мясо – каждый день. Нет счета в банке, что можно расценить как неготовность к непредвиденным расходам, но есть безупречная кредитная история: пару тысяч евро банк одалживает нам в течение получаса.

С другой стороны, я расстроился. Прочитав в «Пределах» про европейца с низкими доходами еще до знакомства с данными Евростата, я почему-то представил примерно себя со своими доходами. И поскольку живу с ощущением, что у меня давно все есть, посчитал, что это довольно легко – жить в таком мире, лишь бы этот уровень распространялся именно на всех. Теперь же я понимаю, что и мне придется серьезно себя ограничить, коль уж я утверждаю, что поддерживаю снижение всеобщего уровня потребления жизни ради выживания человечества. Причем, поскольку та

программа, которая могла привести к стабилизации на этом уровне, так и не реализована, надо быть готовым ужиматься еще сильнее. Поразмыслив, вполне серьезно говорю: «Я готов и к этому, но только, чтобы вместе со всеми. Чтобы, как в песне: «хлеба горбушку – и ту пополам».

Я такой один? Уверен, что нас немало, вне зависимости от возраста, пола и национальности, хоть я лично ни с одним другим таким живым человеком не знаком. Разве что с литературными героями. Например, Время-не-ждет, который ради любви и спокойной счастливой жизни расстался даже с богатством, которое обрел в битве за деньги.

И вот я думаю: а я такой сразу родился или сперва был такой, как все, а потом перевоспитался? Или, наоборот: все перевоспитались в людей экономических, а я инфантильный, так и остался среди героев детской литературы?

В детстве Время-не-ждет был одним из любимых моих литературных героев, но я такой был далеко не один. А как только детство кончилось, за мое воспитание взялись замполиты под идейным руководством кафедры марксизма – ленинизма. Может, я оказался самым податливым на их воспитание и воспитался-таки в человека будущего – один единственный из миллионов воспитываемых? Особенно, помню, воспитатели мои напирали на «Моральный кодекс строителя коммунизма»…

Картинка ИСТОРИЯ С ПУЛЕЙ.

Дело было на четвертом курсе. Наше отделение, или, если по-граждански - класс, отправилось на стрельбу в тир.

В тире было три стрелковых места, и пока трое из нас палили по мишеням, остальные стояли в сторонке и трепались от нечего делать. И вот, когда кто-то стрелял, а я трепался, мне в грудь попала пуля. Пуля, выпущенная из «Макарова», каким-то невероятным образом отскочила назад от бревен, которые были позади мишеней, или от стены, которая была позади бревен, и попала в меня! Прямо в сердце! Больно, блин! Если бы в глаз, выбила бы точно. Помятая такая, скрученная. Медная оболочка лопнула, и из дыры свинец выпирает. А горячая – в руку не взять!

Ну, вроде бы, и ладно – попала и попала. Не в глаз ведь. Но что лежит в кармане у без пяти минут, советского офицера, прямо напротив сердца? Ну, конечно! Партбилет! И вот, от попадания пули, корка моего партбилета-то и лопнула! Мне – ничего, форма цела, а на партбилете дырка.

А партбилет был еще не настоящий – кандидатское удостоверение. И вот перед выпуском из училища прихожу я на парткомиссию, чтобы поменять его на настоящий – вступить в партию полноценным членом. Написал, конечно, заявление: «Прошу принять, так как хочу быть в первых рядах строителей коммунизма». Был еще другой вариант: некоторые писали «Так как хочу без остатка отдать все силы для построения светлого будущего, воспитания подчиненных в духе идей марксизма – ленинизма, руководящих документов КПСС и морального кодекса строителя коммунизма». Но я предпочел первый вариант. Не хотел я быть ни в первых рядах, ни во вторых, просто в нем, как сейчас говорят, буков было меньше.

Ну вот, написал я заявление и пришел на партком, а председатель меня и спрашивает:
– А что это у вас, товарищ кандидат, дыра на партбилете?!

– Так это, – говорю, – стреляли… – И рассказываю историю о пуле.
Выслушали они, поулыбались, и председатель говорит:
– С дырой ясно. Ну что ж, товарищи, какие будут к кандидату вопросы? – приглашая попытать меня с пристрастием: о «моральном кодексе», пленумах, съездах, и прочей белиберде, чтобы выяснить, достаточно ли я подготовлен к вступлению в первые ряды.
– Да какие тут вопросы?! – говорит какой-то полковник. – У человека партбилет пулей пробит!

В общем, дали мне партбилет, так ни о чем и не спросив. А если бы спросили… Я бы им порассказал… Мог бы, в частности, без запиночки перечислить все двенадцать пунктов «морального кодекса строителя коммунизма»! Например, пункт второй: «Добросовестный труд на благо общества». Третий: «Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния». И дальше: «Высокое сознание общественного долга»; «Коллективизм и взаимопомощь»; «Человек человеку – друг, товарищ, и брат»; «Скромность в личной жизни»; «Непримиримость к тунеядству, карьеризму, стяжательству»… Я тогда хорошо подготовился. Зачем? Неужели же я мечтал трудиться на благо общества, заботясь исключительно об общественном достоянии, будучи каждому встречному другом, товарищем и братом, простым в личной жизни не карьеристом, не тунеядцем и не стяжателем?

Да нет, конечно! Я, как и положено «экономическому человеку», выучил все это ради партбилета, который, как я полагал, позволит мне без задержек подниматься по карьерной лестнице, что позволит быстрее начать потреблять самые дорогостоящие блага. Ненависть к труду

тоже имела место: отдать приказ всегда легче, чем его выполнить.

Так что, как ни вбивали в мою голову принципы, призванные сделать из меня человека будущего, живущего лишь общественными интересами, допотопный «экономический человек» был во мне неистребим. Надеюсь, никто не подумал, что я там был такой один, а все остальные – мои однокашники, и важные дяденьки в больших погонах, устраивавшие нам экзамен при вступлении в партию, - рвались строить коммунизм? Конечно, статистики, изучившей этот вопрос, нет. Но, думаю, все со мной согласятся: несмотря на наличие отдельных идейных строителей коммунизма в наших рядах, подавляющее большинство были людьми нормальными, то есть вполне экономическими. Кстати, Воланд, припоминаю, поставил очень показательный эксперимент над строителями светлого будущего – с деньгами, падающими с неба, и дамским магазином, по итогам которого был поставлен диагноз: вполне нормальные, обычные. Читай: экономические.

В общем, как видите, я сознался: не всегда я был таким разумным потребителем, каким выгляжу на автопортрете: и о богатстве мечтал, и деньгами сорил… Было, было, но с годами прошло, так как понял бессмысленность всего этого. Так, может это возрастное? Описанный в теории «экономический» человек возраста не имеет, впрочем, как и пола, и национальности. А все эти факторы важны, если мы говорим об экономическом поведении человека. Например, высокий уровень потребления молодого парня для демонстрации своих финансовых возможностей можно сравнить с хвостом павлина или пением соловья, то есть такое поведение вполне естественно, но только в

определенном возрасте и до женитьбы. А после - какой в этом смысл? Но многие занимаются этим до последних своих дней, их заставляет это делать окружающая капиталистическая жизнь, смыслом которой является удовлетворение возрастающих потребностей. Или национальность. Вот скажите, кто такой грузин? Мот и выпедрежник. Прости, генацвале, не обижайся, я ведь и сам таким был в молодости. Но не на генном же уровне передается мотовство. Это вопрос воспитания, то есть важно, не какой человек национальности, а в какой среде он воспитывался. А дальше все просто: бытие определяет сознание. Какое общество, такие и устремления у его членов.

Слова правильные, которые вбивал в нас советский идеологический аппарат, конечно, нас не задевали, хоть мы и выучивали их наизусть. Но жизнь – воспитывала. Пусть мы не перестали быть «экономическими», не изжили в себе до конца эгоизма, карьеризма и стяжательства, пусть, с точки зрения «морального кодекса», мораль наша была далека от идеала, но по сравнению с сегодняшним днем мы были действительно «друзья, товарищи и братья». Пусть по несчастью, но братья. И коллективизм, и забота об общественных интересах существовали реально. О каком стяжательстве в сравнении с сегодняшним днем можно было говорить, если разница в доходах высоко-и низкооплачиваемых была всего в два – три раза, а жителей «обкомовских домов» – по нынешним временам, тоже «хрущевок» – презрительно называли «толстыми», лишь за то, что кухни в их квартирах были в два раза больше, да получали они «паек» с колбасой. Мы были просты в личной жизни, поскольку усложнить ее было нечем, помогали друг другу перевозить мебель, делать ремонт, чинить машины и

много чего еще. И на свадьбах веселили друг друга сами – никому в голову не приходило нанять массовика - затейника. Представляю, если бы я тогда заявил, что хочу стать богатым – не как «толстые», а вообще богатым… Да со мной здороваться перестали бы!

Капитализм воспитывает иначе. Вместо забытой горбушки, которую «и ту пополам», на первый план выходит лимон, который я «Найду и буду рад». Конечно, «тебе не дам!» И «Не смей меня винить!» Или, еще лучше: «Дай, дай, денег дай! Дай, дай, дай, дай, дай, дай! Дай, дай, Денег дай!» Вот и весь смысл песни, в которой других слов просто нет. И песни, и экономической жизни, и жизни вообще.

Смысл экономической жизни – удовлетворение потребностей. Вроде, все верно. Какой же еще может быть смысл у экономической жизни? Вот только в сознании людей, живущих при капитализме, слово «экономической» из этой формулы постепенно исчезает. Удовлетворение потребностей становится смыслом всей жизни.

Потребности растущие и безграничные. Удовлетворил одну – родилась другая, да ладно бы одна. Они размножаются в геометрической прогрессии. Допустим, некто, имея доходы выше, чем у других, желая показать свою успешность и превосходство, смог позволить себе дорогостоящее благо – удовлетворил потребность №1. Разумеется, он уже задумался об очередном, еще более дорогостоящем, и возникла потребность №2. Я думаю, никто не возразит, что очередная машина просто обязана быть дороже предыдущей, как и жилье, мебель, холодильник… Но, как думает некто, насущной эта потребность станет лишь в отдаленной перспективе.

Окружающие, видя, что он удовлетворил потребность №1, тут же испытывают нестерпимую потребность тоже ее удовлетворить, хотя еще вчера не думали об этом. И начинают над этим работать. Наиболее способные справляются с задачей, и уже у их окружения возникает потребность №1. Некто, видя, что нищеброды наступают на пятки, пересматривает свою мысль об отдаленной перспективе и уже в срочном порядке удовлетворяет потребность №2, рождая у себя потребность №3, и потребность №2 у первой волны нищебродов, а третья волна – широкие массы – приходят к пониманию, что жить, не имея №1, просто неприлично! Несмотря на все большее реальное удовлетворение потребностей, удовлетворенность потребителей своим положением только снижается. Так и растет этот ничем не ограниченный, в том числе и разумом, ком безумных потребностей, называемый «демонстративное потребление».

Не так давно, лет сто назад, Ленин, работая над «законом возвышения потребностей», чтобы наглядно показать, что они действительно возрастают, брал «срезы» потребностей с интервалом в 50 и 100 лет. С сегодняшним темпом возвышения хватило бы 5 – 10. Да и брать ничего не надо: потребности каждого из нас растут каждый день, мы это просто видим в каждодневной жизни, так что сегодня работать над специальным законом по поводу этого просто не было бы смысла. И вывод, сделанный 100 лет назад, о том, что возрастание потребностей является двигателем экономического прогресса общества, сегодня уже неуместен. Это возрастание превратилось в двигатель экологической и духовной деградации.

Кстати, почему-то считается, что демонстративным потреблением занимается лишь «некто», демонстрируя, что

у него все самое лучшее и дорогое. На самом деле волны нищебродов тоже демонстрируют, что у них не самое худшее и дешевое. А тут еще приехали туристы из страны, где еще не слышали даже о потребности №1. «Да мы же люди второго сорта!» – рвут они на себе волосы, вернувшись на Родину, и втягивают сограждан в очередное повышение потребностей.

В то время, как у одной части общества потребности возрастают, все выше отрываясь от потребностей «разумных», не уменьшается часть общества, не способная обеспечить даже «разумные» потребности – вспомним о проблеме бедности в той же Европе. Имущественное расслоение растет – как внутри стран между богатыми и бедными, так и между богатыми и бедными странами, что является естественным процессом, с точки зрения экономической теории. А раз так, то по мере все большего реального удовлетворения потребностей в обществе удовлетворенность людей этим удовлетворением только снижается.

Кто или что является «драйвером роста» всеобщих потребностей? Казалось бы, это «некто». Но ведь какое-то время назад он, как и все остальные, не знал о том, что сегодня удовлетворение потребностей №1, 2 и 3 будет возможным, просто потому, что тогда до этого еще не дошли технологии, дизайнерская мысль, маркетинговые исследования. А сегодня все дошло: рыночный механизм стимулировал разрозненных эгоистов придумать все это, заранее зная, что некто «поведется» на новшества, а дальше втянет весь мир в гонку потребностей. Дж. Гэлбрэйт: «Гигантские корпорации заставляют миллионы людей тратить деньги на товары, без которых они легко могли бы

обойтись». Рынок просто эксплуатирует личные качества человека, а именно…

Картинка ПОРТРЕТ

Богатей, вылезающий из самого дорогого в мире лимузина возле своего самого высокого в мире небоскреба. Кто он? Самый успешный в мире человек, «сделавший себя сам», потому что фантастически талантлив, жутко трудолюбив, да еще в начале своего пути к успеху во многом себе отказывал. Это его резюме, деловой портрет. А духовный? Жадный, завистливый, зависимый от чужого мнения, беспредельно самовлюбленный выпендрежник. Обладатель полного набора самых недостойных человека качеств. Хапуга ненасытный. За душой много, в душе – пусто. Тем не менее, в капиталистическом обществе, он – объект для подражания, лучший из лучших, пророк общества. И не только капиталистическая мораль, но и экономическая теория поддерживают это. Политэкономия дифференцирует все потребности на «низшие», и «высшие». Разумные потребности – еда, одежда, жилье – низшие (привет Аристотелю). А вот потребность быть успешным, получить признание и уважение в обществе, доказать свое превосходство, свою значимость – высшие, хотя для их удовлетворения надо стать карьеристом и стяжателем. И рыночная экономика, и экономическая теория культивируют в нас эти, хоть и недостойные, но необходимые для экономического роста потребности. Перефразируя графа Калиостро из «Формулы любви»: капитализм действует разлагающе на неокрепшие умы.

Мы, жившие при социализме, видим, как капиталистическая реальность убивает в человеческой душе все лучшее и культивирует худшее. А дети? Те, кто

родились уже при нынешней действительности? Нашим детям можем мы рассказать, а дальше? А Запад, который многие поколения живет по законам конкуренции? Чем дальше, тем таких «автопортретов», как мой нынешний, будет становиться все меньше.

Таким образом, сравнив экономического человека при капитализме и при социализме (или что там у нас было?), а мы, жившие тогда и живущие сейчас, имеем право это сделать, можно прийти к выводу, что человек не бесперспективен в плане снижения личных потребностей. Он поддается воспитанию. Все зависит от условий. «Бытие определяет сознание», как любил говорить Маркс, который, к слову сказать, практически не поучаствовал в изучении «экономического человека», ограничившись приобщением индивида к классу и его личных интересов к классовым. Есть и другие примеры, доказывающие, что человек в определенных условиях, может изменить своей «экономической» сущности. Например, в войну для получения признания и уважения дорогие шмотки не подойдут. Орден нужен. Примером для подражания становится не богатый выпендрежник, а герой – человек, готовый к самопожертвованию ради общественных интересов. Героизм мог быть и трудовым, как мы помним. Так что мобилизовать массы на снижение потребления, наверное, можно. Но только не в обществе «демонстративного потребления».

Из сказанного ясно, что самостоятельно, добровольно человек, окруженный капиталистической реальностью, не в состоянии не то что снизить свое благосостояние или хотя бы не повышать его, но даже замедлить его рост, хотя бы он даже точно знал, что этот рост в отдаленной или не очень

перспективе ведет к уничтожению среды и бедствиям для него самого и его детей.

ОБЩИЙ ВЫВОД

Цивилизация людей (таких, какие мы есть, со всеми нашими врожденными непреодолимыми достоинствами), построенная по принципу разделения на конкурирующие между собой национальные государства, имеющие демократическое устройство и рыночную экономику, неизбежно движется к самоуничтожению вследствие выхода за пределы роста.

ЧАСТЬ 2

РЕВОЛЮЦИЯ?

Итак, избежать скорой – при жизни живущих поколений – цивилизационной катастрофы человечество уже не может, так как выход за уровень устойчивости состоялся давно, а выход за первые пределы роста мы явно видим сегодня. Наверное, тот общий график, показывающий изменения за многие десятки или более лет, пора уже оставить в покое. Нас интересуют уже не общие закономерности, а текущий момент. «Увеличиваем масштаб», – рассматриваем только верхнюю часть графика: самый быстрый за всю историю рост, резкое его замедление, связанное с ограничением пределами, остановка, начало снижения, резкое ускорение снижения. Все, что можно попытаться сделать – это, опять таки, ограничив рост уже сейчас и начав снижение как можно раньше, попытаться сделать кривую роста более пологой, максимума достичь ниже, а главное, позже, переход к снижению сделать менее резким, снижение – более пологим. Сделать неизбежную уже катастрофу менее разрушительной и отодвинуть ее на «попозже». Но инструментов для этого цивилизация не имеет, в то время как на всю катушку работает великолепно отлаженный механизм, приближающий катастрофу: мир, поделенный на национальные государства с рыночной экономикой, управляемые людьми посредствам демократических процедур. Значит, для того, чтобы это сделать, эти инструменты нужно создать, а механизм – уничтожить. Но ведь серьезное ограничение рыночных отношений и демократии, перераспределение благ между слоями

общества – это не что иное, как социальная революция. Изменение устройства мира – тоже революция, причем по масштабам превосходящая все революционные изменения, что были в истории ранее. Совершить изменения в массовом сознании людей – самая невероятная из всех революций. А сделать это все нужно прямо сейчас: завтра не будет смысла. Последний шанс вообще что-то сделать.

Что, достаем из чулана философской мысли теорию революции?

О революции говорят и авторы «Пределов», но как-то подчеркнуто нереволюционно. Тихо, скромно, неуверенно. Как сказал бы Ленин – оппортунистически. С одной стороны, утверждается, что ситуацию с выходом за пределы нельзя изменить без «революционных изменений в политике», с другой – подчеркивается, что авторы ни в коем случае не революционеры, они не посягают на святое – демократию и рынок.

Сравнивая масштаб необходимых изменений – (структурных) с предыдущими революциями – сельскохозяйственной революцией в далеком неолите и промышленной, что происходила последние два века, авторы «пределов» далее говорят о том, что «Одна из странных особенностей современных мыслительных моделей – представление о том, что мир устойчивости обязательно должен быть миром жесткого централизованного контроля. Для устойчивой экономики такой тип контроля невозможен, нежелателен, да и не нужен. (С системной точки зрения у этого вида управления слишком много недостатков, что нам наглядно продемонстрировал бывший Советский Союз.)» «Одно из самых важных правил прекрасно соотносится с

экономической теорией, оно соединит в себе знания и привычный облик рыночной системы: в цене на продукт должна отражаться его стоимость, включая все экологические последствия и побочные социальные эффекты от изготовления такого продукта». Ну, и где тут революционные структурные изменения?

Прошедшие после публикации «пределов» десятилетия явно свидетельствуют, что такой подход – увещевание неизвестно кого при признании незыблемости существующего устройства мира – не более чем благие пожелания. И вот признание авторов: «Годы прошли зря». У нас десятилетий уже нет. Менять все нужно сегодня. Поэтому пора уже без оппортунизма, честно и не стесняясь сказать: не для предотвращения катастрофы, а лишь для небольшой ее отсрочки и смягчения последствий в мировом масштабе, необходима революция, превышающая по масштабам изменений все, произошедшие ранее.

Если пытаться сделать то немногое, что можно успеть до катастрофы, то это – значительное ограничение рынка, демократии, самостоятельности национальных государств. То есть настоящая революция. Но, зная из истории, что настоящая революция – это настоящая катастрофа, не призываю пытаться сгладить последствия одной катастрофы посредством заблаговременной организации другой. Если нельзя бескровно, без серьезных потрясений, то лучше не надо. Я предлагаю провести лишь те революционные изменения, которые можно осуществить не революционными, не насильственными методами, и только когда уже станет ясно, что этого недостаточно для облегчения участи человечества, опустить руки и готовиться хлебать по полной нашу катастрофу в сороковых

годах, на базах, и в бункерах, под лозунгом: «спасайся, кто может!»

КОНКУРИРУЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА

Разделенность мира по этому принципу – одно из препятствий, не позволяющих человечеству избежать катастрофы вследствие выхода за пределы. Если представить, что на всей Земле лишь одна страна, управляемая одним правительством, то многих проблем, например, постоянная гонка вооружений, вообще бы не стояло, а другие – проблемы экологии, проблема пределов – решались бы на порядок проще. И в этой связи можно было бы порассуждать о необходимости сближения стран перед надвигающейся катастрофой, совместных действиях по преодолению экологических угроз, о повышении значения ООН, других международных организаций – «репортеры без границ», «врачи без границ», «Гринпис», – работа которых шаг за шагом приближает нас к созданию нового мирового устройства, о том, что уже сегодня, наблюдая за работой неправительственных организаций, можно увидеть признаки формирования всемирного гражданского общества и глобальной демократии, о том, что еще Эйнштейн, и не он один, говорил о необходимости мирового правительства. Приправить все это рассуждениями о глобализации, которая направлена на то, чтобы превратить весь мир в одну большую экономику. Напомнить о конференциях ООН: по устойчивому развитию 1972 года, по проблемам окружающей среды 1992, «Цели устойчивого развития» 2015 года, других мероприятиях мирового масштаба с похожими названиями, после чего выразить надежду или даже уверенность в том, что если такие представительные собрания ищут выход для

всего из сложившейся ситуации, то значит, найдут. Но все это было бы не более чем пустой демагогией, ибо фактическая сторона дела состоит в том, что мир состоит из национальных государств, они между собой жестко конкурируют, противоречия между ними нарастают и продолжат нарастать по мере выхода за очередные пределы, поскольку выход за каждый конкретный предел – не что иное, как обострение нехватки ресурсов, борьба за которые и является основной причиной жесткой конкуренции между государствами. Если же государства создают союзы, внутри которых жесткая конкуренция если не отсутствует, то регламентирована законами и договоренностями, делается это исключительно для того, чтобы иметь преимущество в конкуренции с другими государствами или союзами.

Единственный на сегодняшний день успешный опыт объединения государств под единым, надгосударственным управлением – Евросоюз. Подчеркну: опыт добровольного объединения. Есть еще США – государство, появившееся в результате вхождения множества государств в одно с переходом функций управления к большому государству. Но добровольным такое образование – во всяком случае, с точки зрения всех его членов – не было. Образование же ЕС родило одного мощного игрока на мировой арене взамен множества мелких, то есть имело целью не столько ослабление противоречий между участниками, сколько получение преимуществ в конкуренции с другими странами, то есть мировую конкуренцию образование ЕС только усилило. А во-вторых, опыт не на сто процентов удачный. Внутри ЕС масса противоречий, и во что они выльются, еще неизвестно. С одной стороны, обостряющаяся конкуренция в мире консолидирует его членов, а с другой – возрастающие противоречия внутри стремятся его развалить. Поживем – увидим, что у них в

результате получится, но вне зависимости от их успехов можно с уверенностью сказать, что этот опыт не годится в качестве примера для возможного сближения государств всего мира, образования некоего мирового надгосударственного разума.

Кроме того, прямо сегодня происходит переход мирового лидерства от США к Китаю. Сейчас экономисты спорят, кто из них первый, а политики в нерешительности: пора присягать новому гегемону или еще нет? Но рано или поздно на первый план выйдет главный в любом споре аргумент, лучше всего сформулированный Паниковским и Балагановым: «А ты кто такой?!» И начнется перераспределение сил во всем мире: распад одних блоков и союзов и создание других. В этих условиях говорить о согласованных действиях государств по минимизации последствий грядущей катастрофы вследствие выхода за пределы не приходится. Никто не будет заниматься этим в мировом масштабе, хотя говорить об этом на высоких форумах и конференциях будут больше, чем раньше. В условиях выхода мира за пределы страны будут действовать по принципу «спасайся, кто может». Та единая, общая для всего мира верхняя часть графика, будет разной в разных странах, во-первых, в силу разной приближенности к разным пределам. Например, последствия выхода за первый явный предел – начало глобального потепления – в разных странах будут разные. Где-то расширятся пустыни, где-то возникнут новые, где-то территории уйдут под воду вследствие поднятия уровня океана из-за таяния вечных льдов, и для этих мест потепление и станет пределом, который приведет к катастрофе. А где-то климат чересчур суров для земледелия и в результате потепления станет более подходящим, что позволит легче преодолеть негативные последствия потепления. Где-то постоянные

наводнения потребуют гигантских трат на ликвидацию последствий, а где-то освободится ото льда Северный морской путь и месторождения на шельфе, что, конечно, будет немедленно использовано. К другим пределам страны тоже приближены по-разному, в зависимости от наличия тех или иных ресурсов. Еще один фактор, влияющий на близость страны к пределам, – сегодняшний уровень жизни. Чем он выше, тем болезненней воспримет население снижение его уровня в результате выхода за пределы. Чем выше уровень «неразумного» потребления в обществе, тем более неприемлемым кажется его членам удовлетворение лишь разумных потребностей.

Можно предположить, что уже в период начала катастрофы, ясно видя мрачные перспективы, государства вынуждены будут сделать какие-то резкие шаги навстречу друг другу. Лига Наций, ООН тоже появились не от хорошей жизни. Вполне логично предположить, что в условиях нехватки ресурсов начнутся разговоры о создании каких-то международных механизмов для решения проблемы. Начнутся они, конечно, в странах богатых – чем больше потребление ресурсов, тем раньше почувствуется их нехватка. Сегодня они легко покупают недостающие ресурсы на внешнем рынке и не стесняются открыто говорить о том, что если не смогут купить, то могут и отнять. Но ресурсов и на внешнем рынке все меньше, а значит, они все дороже, а стран, у которых нельзя что-то отнять, становится все больше. Сколько стран имеют ядерное оружие? Сегодня с уверенностью уже и не скажешь. А завтра? То есть вполне может наступить момент, когда они вынуждены будут попытаться договориться, создать международные наднациональные органы для перераспределения ресурсов в мировом масштабе. Россию позовут? Конечно, это ведь не

Олимпийские Игры. Если Россию не позвать, что эти их органы будут перераспределять? А что на это ответит русский человек? В то время как раз будет праздноваться столетие начала холодной войны, когда строились планы ядерной бомбардировки десятков наших городов, да и нынешние их гадости по отношению к нам не будут забыты. Захочет ли вьетнамец поделиться с ними тем, что выросло на его поле, которое только-только перестало быть ядовитым от химии, которой его полили эти ребята восемьдесят лет назад? Я думаю, он резонно заметит: долг платежом красен, что посеешь, то пожнешь, заварил кашу – кушай. А русский человек по-русски добавит: «Хрен по всей морде, Боливар не выдержит колхоз!» И правильно сделает!

Выживет не та страна, что богаче, где выше ВВП, технический прогресс, а та, что сберегла ресурсы и смогла понизить уровень жизни, обеспечив очень низкий, по объективным причинам, но максимально возможный в условиях выхода за пределы уровень жизни всем членам общества путем жесткого государственного ограничения, регулирования, распределения и умудрилась при этом не вызвать бунта, не лишиться возможности управлять обществом, не распасться, не потерять государственности.

Мир спасти нельзя. В мире нет для этого механизмов. А в государстве есть: органы управления, которые в период бедствий (любых) совершенно законно, на основании конституции, получают чрезвычайные полномочия.
О мерах по переносу катастрофы на более позднее время и минимизации ее последствий можно говорить лишь в рамках отдельно взятых государств, причем и в этой сфере между государствами тоже будет жесткая конкуренция, и не только за ресурсы. Главным фактором станет время. В

странах, которые раньше войдут в период катастрофы, резко начнет снижаться производство, затем – население, что уменьшит нагрузку на среду в мировом масштабе и даст возможность странам, отодвинувшим катастрофу у себя на более позднее время, пережить ее относительно легко, а может, и вообще в ней не поучаствовать, плавно переместившись в мир, в котором снова небольшое население, а экологический след стал меньше единицы и продолжает уменьшаться. Опять же, в таких условиях возрастает значение обороноспособности и предотвращения массовой миграции в более благополучные страны. То есть ключевую роль в эпоху катастрофы будут играть именно границы, а не ООН, Гринпис, врачи, репортеры, и еще кто-то там без границ.

Глобализация же, так же, как и рост, имеет пределы. Нам, прожившим последние десятилетия при взрывной скорости глобализации, вызванной взрывным внедрением во все сферы жизни цифровых и информационных технологий, трудно в это поверить, но смотрите: взрывная цифровизация закончилась, далее намечается медленное совершенствование. Следом замедлится и глобализация. Следующий барьер на ее пути – начинающийся передел мира в связи с происходящим в мире перераспределением сил. А дальше – пределы роста, которые неизбежно укрепят государственные границы. Завершение глобализации – слияние национальных экономик в одну планетарную – не случится никогда.

Понимая это, и связывая свое будущее и будущее своих потомков с одной конкретной страной, – Россией, я беру назад сказанные ранее слова о том, что, работая над этой книгой, пытаюсь спасти человечество. Мне есть дело только до России. «Территориальный масштаб» с этого места тоже

увеличивается. Хотя до остального мира мне дело все же тоже есть. Пусть считают меня кем угодно, но я уверен, что чем раньше и разрушительнее будет катастрофа там, тем позже и легче она будет тут, и я искренне этого желаю. Некрасиво? Зато правда!

Государственный уровень – это «первая линия обороны» при выходе за пределы. Если она не выдержит, то есть оставшиеся ресурсы не удастся более или менее справедливо разделить между всеми членами общества, начнется массовое обнищание, ослабление государства, неспособность его обеспечить законность в общественных отношениях, распад на составные части. Мы видели эти процессы в 90-х годах, но только их начало. Тогда у государства нашлись ресурсы и воля их прекратить. В случае выхода за пределы ресурсов будет гораздо меньше. Стало быть, воли и умения потребуется гораздо больше. Если не хватит, развал государства случится, и к тем «неприятностям», что уже перечислены, может добавиться и захват территории соседями. В этом случае есть еще одна «линия обороны» – общинная. Небольшая община может выживать в глухих местах, в «первобытных» условиях. Последняя линия – индивидуальная: собрать запасы для семьи на много лет и спрятаться, уйти в леса, закопаться под землю, а может, кто и подводный дом себе сделает. Эта линия бесполезна. В 90-е годы у меня был автосервис. Так вот, жулик, под «крышей» которого он был, узнав, что я решил арендовать землю, чтобы посадить на ней картошку, очень удивился и сказал, что умные люди картошку не сажают, а убирают.

«НЕЧАЯННОЕ» СНИЖЕНИЕ

Конечно, теория о том, что люди, управляющие государствами, такие же эгоисты, как и все остальные «экономические человеки», и, выполняя работу по управлению государством, руководствуются исключительно личными интересами, практически не вызывает возражений. Но как тогда быть со множеством исторических личностей, польза от дел которых материализовалась для их народов не при их правлении, а гораздо позже? Любой из нас может привести такие примеры из истории. То есть нахождение у власти людей, работающих не столько на ближайшие выборы, сколько на будущее своей страны, не такая уж и фантастика. Это неоднократно случалось раньше, стало быть, возможно и теперь. С их мотивацией предлагаю не разбираться. Да пусть они даже трижды эгоисты, которым мало благ и признания при жизни и которые мечтают о памятниках себе после смерти (чтоб на коне и по всей стране), нам-то что за дело.

Картинка

Итак, представили: в некой стране, довольно большой и не очень плотно населенной, обеспеченной лучше, чем другие страны, ресурсами, у кормила оказался как раз такой человек…

Конечно, пришел он к власти, обещая поднять благосостояние, обеспечив привлекательность для инвесторов, свободу предпринимательству, обеспечив темпы роста не ниже среднемировых, опережающее развитие наукоемких отраслей, и т.д., и т.п. Но со временем, получив в силу должности доступ к секретным материалам

относительно приближения к катастрофе вследствие выхода за пределы роста и изучив их, понял, что не «все будет харашо», как знают и убеждают его придворные экономисты. Самое лучшее, что может он сделать для своей страны – не догнать другие экономики, а, наоборот, поотстать от них в движении к катастрофе, сберегая ресурсы на будущее. Была бы страна маленькая – не было бы в этом смысла, а в большой – можно. Солидный кусок планеты может приближаться к пределам медленней остальных, и при наступлении катастрофы в остальном мире еще какое-то время сносно жить, выжидая, пока остальной мир снижает производство и население до приемлемого уровня. Главное – сохранить государственность, власть и благодаря этому честно поделить на всех оставшиеся ресурсы – механизм для этого есть, прописан в Конституции. В тяжелую годину демократия отменяется: прямое президентское, Совет обороны, прочее… И еще – держать границу, пока во всем остальном мире происходят первые, самые тяжелые последствия обвала.

Но народ на такое своего руководителя не уполномочил. Как народу, этому сборищу разрозненных эгоистов, объяснишь, что уже сейчас надо ограничивать рост? Они не поймут и никогда не согласятся на такое. Лидера, в таком ключе думающего о будущем, на ближайших же выборах выгонят на пенсию, а то и раньше, а то и дальше. И выберут опять того, кто расскажет о привлекательности инвестиций, темпах роста не ниже мировых и опережающем развитии и поведет их, вместе со всем миром, навстречу непреодолимым пределам.

И вот находится простое, а потому гениальное решение: продолжая говорить о росте как цели, на самом деле,

втихаря, рост сдерживать, создавая трудности для бизнеса, непривлекательный инвестиционный климат и прочее. Цель – полный застой, то есть отсутствие как роста, так и снижения. Снижения народ точно не потерпит. А при полном застое процент-полтора роста можно показать, подправив статистику. Почему так мало растем? Так объективные же – внешние – причины. Не поверят? Ну, можно подстраховаться, подправить немного демократию. Почему обязательно демократическое общество должно управлять государством? Почему не наоборот? Рост – только в двух сферах: качественный рост Вооруженных Сил, так как грядущая катастрофа обязательно обострит межгосударственные конфликты, и рост всего, что направлено на решение экологических проблем – переработка мусора, например. Конечно, вечно такой «нечаянный застой» продолжаться не может, но в современной ситуации каждый дополнительный год отсутствия роста – благо. Кроме того, по мере ухудшения общей экологической ситуации в мире народ начнет больше ценить родные березы, а стало быть, труднодоступные зарубежные блага – меньше. Экологическая составляющая понятия «благосостояние» многократно возрастет, туристы, приезжая из-за границы, уже не так яростно будут рвать на себе волосы: «Мы – люди второго сорта!», прогуливаясь по непаханым и не политым химикатами – не то, что за границей – полям Родины. Когда весь мир поймет, что главное благо – среда обитания, и будет судорожно пытаться удержать ее от полного разрушения, народ вдруг с удивлением обнаружит, что Родина прекрасна! А дальше, когда весь мир заговорит о пределах роста как об очевидной опасности, как знать, может, и получится объяснить народу, что и дальше надо продолжать гнобить отечественный бизнес?

Всему народу объяснить, конечно, не получится. Недовольных и озлобленных будет много. С другой стороны, за рубежом может найтись немало людей, которые поймут, где лучше всего можно пережить мировую катастрофу, вызванную выходом за пределы. Те едут туда (скатертью дорога), эти – сюда (добро пожаловать). Происходит переформатирование нации: главным объединяющим людей фактором становится не национальность, место рождения или язык, а одинаковое отношение к сбережению среды обитания в собственной стране. Где-то я что-то подобное слышал… А, вспомнил: «Столица автоматически переходит в Васюки!»

И вот таким хитрым образом одна отдельно взятая, большая, но малонаселенная страна может, наверное, без революций и экспроприаций против воли большинства избирателей выйти за пределы роста позже других и не поучаствовать в общей цивилизационной катастрофе. Главное – не забывать о границе, так как весь «цивилизованный» мир, подходя к пределам своего роста и видя, что в большой малонаселенной стране до пределов еще далековато в силу обеспеченности ресурсами, конечно посчитает, что справедливо было бы, если бы этими ресурсами с ним поделились.

Здесь хочу вернуться к «европейцу с низкими доходами». Ведь этот уровень благосостояния определен авторами «Пределов» как средний по планете. А если страна большая, малонаселенная и обеспечена ресурсами лучше, чем в среднем по планете, то и уровень должен оказаться выше среднего. Так что, может, и ужиматься придется не сильно?

Чего лишнего сболтнул? Так я ведь не давал подписки о неразглашении секретных материалов о противодействии

выходу за пределы роста. Впрочем, и материалов этих мне никто не давал.

ИСКУССТВЕННАЯ РАБСИЛА

Правильнее, наверное, было бы сказать «робсила», так как речь пойдет о роботах.

Сегодня искусственный интеллект и робототехника стоят на старте перед мощным рывком, взрывным ускорением. Такие «взрывы» в истории уже были. Последний, который все мы наблюдали – развитие и повсеместное внедрение цифровых и информационных технологий. Начиналось все с больших, дорогих и бестолковых ЭВМ, но как только они достигли какого-то приемлемого для массового использования уровня, произошло взрывное развитие и внедрение во все сферы жизни. Искусственный интеллект сегодня напоминает те первые ЭВМ: дорог и бестолков. Но у специалистов нет сомнений в том, что уже буквально завтра он в определенных видах деятельности превзойдет по своим возможностям человека. То, что на поверхности: водители, пилоты. Уже есть робот, выполняющий работу хирурга, как утверждается, лучше живого хирурга. Идут разговоры о замене традиционного образования на интерактивное, учителя можно будет заменить даже не на робота, а на программу.

Значение надвигающегося массового внедрения робототехники и искусственного интеллекта во все сферы жизни, и в первую очередь – в производство, явно недооценено сегодня экономистами. А давайте подумаем, что будет, если в экономике страны больше половины ВВП окажется произведенным роботами? Экономика, где половина ВВП произведена в сфере индустриального или

машинного производства – индустриальная, если в сфере услуг и финансов – постиндустриальная, а если роботами, то какая?

Недооценены и изменения, которые вызовет внедрение роботов в общественных отношениях. Робота, конечно, нельзя назвать членом общества, но он будет выполнять в обществе важную функцию: работать, вытесняя из сферы производства людей.

Как отреагирует рынок на развитие технологий? Как обычно. Начнется массовое внедрение искусственного интеллекта и робототехники везде, где это даст конкурентные преимущества. Посмотрите, с каким воодушевлением сегодня говорит в телепрограмме, например, руководитель агрохолдинга о комбайнах, которые десятками и сотнями смогут выходить на поля, управляемые дистанционно лишь одним оператором. Чему он так рад? Тому, что, когда он уволит сотни комбайнеров, с их правами на отпуск, достойную оплату труда, оплачиваемый больничный, семейными проблемами, профсоюзом и прочим, и заменит их на надежную, дешевую и способную работать круглосуточно программу, он существенно увеличит прибыль. Что его остановит? Человеколюбие по отношению к комбайнерам? И вот, становится, как в песне: «Вкалывают роботы – счастлив человек!» Один человек, хозяин роботов.

Что дальше? Полученные сверхприбыли он инвестирует, конечно, в самый быстрорастущий сегмент экономики – искусственный интеллект. И вот уже представители других профессий оказываются не у дел. Оператор, управлявший армией комбайнов, и тот заменен программой. Специалисты утверждают, что лет через пять-десять не останется

профессий, в которых человек сможет конкурировать с роботом. Даже проститутку, и ту уже сделали искусственную и обещают, что через год-другой доведут ее до ума, подучат, и она по всем параметрам, включая интеллект, превзойдет натуральную.

Робот, способный работать лучше человека, предпочтительней живого работника еще и потому, что не имеет потребностей и бесправен. Его не надо мотивировать или принуждать к труду. Он – идеальный раб, а, следовательно, время, когда робот заменит человека практически на всем производстве, непременно придет. Бизнесмен из человека, работающего с людьми, превращается в роботовладельца. Человек теряет свое значение как производитель благ. Что это, если не изменение производственных отношений?

Маркс говорил, что развитие производительных сил определяет тип общественно-экономической формации, или общественный строй. По введенной им же традиции, название общественного строя всегда происходит от названия «хозяина жизни»: не «пролетарский», а «капиталистический», не «рабский», а «рабовладельческий». Каким оно будет, «роботовладельческое» общество? Вот оно, наглядное свидетельство того, что все развивается по спирали, а каждый новый виток – следующий уровень развития. Вот оно, наглядное подтверждение тому, что очередная формация всегда вызревает внутри предыдущей. Хорошо и приятно, как предлагает Фукуяма, прекратить поиски более высоких форм общественного строя, но что делать, если эта форма сама нас нашла?

Процесс смены формации происходит обычно по такой схеме. Новая формация рождается при господстве предыдущей, между ними накапливаются противоречия, что в определенный момент вызывает кризис. Общество ищет путь выхода из наго и находит – в смене формации.

Если игнорировать надвигающуюся смену формации и ничего не делать, стоя на пороге роботовой революции, предоставляя рыночному механизму отрегулировать будущую ситуацию, то безработные превратятся в класс, превосходящий по численности все остальные. Ведь робот – не машина, которая в прошлой технической революции повышала производительность труда, делала возможным выпуск новых видов продукции, что вело к росту производства, росту квалификации работников, численному росту целого класса – рабочего. Были, конечно, и неприятные моменты, связанные с массовым увольнением: например, ткачей заменил ткацкий станок. Но даже эти, «мелкие», по сравнению с повсеместной роботизацией неприятности вызвали в Англии восстание луддитов – «разрушителей машин», приведшее, кстати, к небольшой гражданской войне, одним из итогов которой стал закон, по которому уничтожение машины стало преступлением, наказываемым смертной казнью. Робот же просто заменит человека в подавляющем большинстве профессий. Это повлечет еще большее расслоение общества по доходам, социальные проблемы и страшнейший кризис: кому роботовладелец в результате продаст все то, что его роботы произвели, если сам вчера всех людей уволил и они теперь сидят без денег? Нечто похожее уже было, вспомним Великую депрессию. Единого, признанного всеми экономистами мнения по поводу причин ее возникновения нет, но по «кейнсианской» версии, к ней привело, в первую очередь, увеличение количества товара при недостатке

денежной массы, отчего произошло падение цен, финансовая нестабильность, банкротства предприятий, крах биржи, непогашенные кредиты, крах тысяч банков, безработица, голод. Массовый приход роботов во все профессии приведет к еще большим проблемам. Может случиться и гражданская война, к которой приведет восстание уничтожителей роботов одним из итогов которой станет закон о признании их гражданских прав: за убийство робота – смертная казнь.

Может быть, я перегибаю палку, говоря: «Кому продаст ВСЕ, когда сам ВСЕХ уволил»? Может, это будут далеко не все, роботы будут заменять людей постепенно, сперва в одной профессии, потом в другой, и освободившиеся работники будут планомерно осваивать новые, более интеллектуальные специальности, недоступные еще роботам, что вызовет не кризис в обществе, а, наоборот, интеллектуальный и духовный рост?

Когда робот заменит, например, генерального конструктора самолетостроительного КБ? Никогда. Но их, генеральных, во всем мире лишь несколько человек. А когда он заменит водителей, которых в мире с полмиллиарда? Уже завтра. Первое, что освоят роботы – это самые простые и массовые профессии: водитель, официант, продавец… Все это профессии, не требующие практически никакого образования. Дожил человек до работоспособного возраста и понял, что не сможет ничего достичь в интеллектуальных профессиях. Писать, читать, считать – может, а если что посложней – извините. Куда теперь? На курсы! За пару месяцев получил «права» и на всю жизнь обеспечен профессией, которая позволит нормально жить. А сколько квалифицированных специалистов «перебиваются», работая таксистами, когда временные

проблемы с работой? Сколько народу таким образом «подрабатывает»? Вот на такие профессии в первую очередь и нацелен робот. Сколько будет стоить автопилот? Кстати, чтобы отличать автопилот для авто́ и автопилот для самолетов и прочего, предлагаю первый называть «авто́ – пилот». Да в нем же ничего нет: десяток – другой датчиков, мозги, немногим сложнее смартфона, три исполнительных механизма: руль, газ, тормоз. При массовом производстве он обойдется не дороже какой-нибудь опции типа кондиционера.

В каком году придет новость, что опытный автомобиль с авто-пилотом за три месяца проехал в круглосуточном режиме сто тысяч километров без аварий, аварийных ситуаций и без единого нарушения ПДД? В этом или в следующем? А дальше начнется соревнование: кто первым освоит массовый выпуск авто-мобилей, кто вперед организует парк авто-такси. Таксисты, вы поняли, что первых на выход попросят именно вас?

Сколько будет стоить робот-официант? Как два пылесоса или как три? Как только будут доведены до ума мозги для самых простых роботов (а это случится буквально на днях), начнется массовое изгнание неквалифицированных работников, причем можно с уверенностью сказать, что 99 их из ста не пойдут учиться на инженеров и учителей, до которых роботы доберутся только спустя время. Без работы окажутся массы людей, причем не только без работы, а без всякой перспективы найти работу.

Как государство может отрегулировать эту ситуацию? Забрать существенную часть произведенного роботами и распределить между бывшими комбайнерами? «Отобрать и поделить»? Купить и распределить? На что? Где взять

денег, если работники уволены, и перестали платить налоги, а роботам денег не платят? В любом случае речь идет о перераспределении, то есть об «искривлении» рыночных механизмов, усилении вмешательства государства в экономику. Или вообще, национализация роботовой экономики?

В ситуации, когда человек не может работать лучше или хотя бы не хуже робота на практически любой работе, единственная целесообразная производственная деятельность, доступная большинству людей, – владение роботами, а единственный возможный вид конкуренции – это «чей робот лучше и чей лучше используется». Люди прекращают конкурировать между собой в производственной сфере. Единственным критерием, по которому распределяются доходы, становится приобщенность к владению средствами производства, Традиционные критерии – количество и качество труда, профессия, квалификация – полностью теряют свою значимость. В таком обществе естественным и справедливым, как мне кажется, было бы общественное владение роботами, то есть средствами производства. Массовая роботизация и связанный с ней кризис непременно вызовут дискуссию в обществе на эту тему, и в тех странах, где возобладает идея обобществления средств производства, встанет вопрос перераспределения собственности. И если опять дойдет до «фабрики – рабочим», то последствия снова могут быть драматическими.

А если начать готовиться к этим событиям заблаговременно, пока искусственный интеллект не конкурентоспособен перед живым работником, туп, дорог,

и сам не в состоянии еще «влезть» в человеческие производственные отношения?

Государство может организовать госкорпорацию, занимающуюся развитием, внедрением и использованием робототехники, которая получит преимущество перед частными разработчиками благодаря госфинансированию и господдержке. А частникам, чтобы не сильно высовывались, можно жизнь усложнить. И вот уже не бизнесмен увольняет комбайнеров и получает сверхприбыль, а государство создает, по сути, новую отрасль, предприятия которой не участвуют – по закону - в программе приватизации. Бизнесмен, не выдержав конкуренции с госкорпорацией роботов, комбайнеров все равно уволит, но при этом не станет владельцем всего, что произведено роботами. Владельцем станет государство. А раз так, оно, ничего ни у кого не экспроприируя, сможет распределить блага, произведенные общественными роботами, среди армии безработных, к которой, кстати, примкнул и бывший владелец агрохолдинга, продавший – государству же – землю. Распределить – не раздать, а распределить в соответствии с полезностью: в стране масса работы по уничтожению свалок, высаживанию лесов, борьбе с последствиями изменения климата, на которую государство сможет нанять массы, владея всеми (или почти всеми) благами, охране и обороне Родины. Вкалывают роботы, но счастлив уже не один человек. Таким образом, по мере развития искусственного интеллекта и внедрения его во все новые сферы деятельности доля государственной собственности в экономике растет, происходит плавный и ненасильственный переход к…

К чему?

Картинка. «НЕ ОШИБАЕТСЯ ТОТ, КТО НЕ ДЕЛАЕТ НИЧЕГО ПРАКТИЧЕСКОГО». В. И. ЛЕНИН.

Примерно за год до того, как пуля поразила меня прямо в партбилет, мне выпала честь подготовить и прочитать доклад по политэкономии на тему: «Ленин о товарном производстве». А мне тогда было 19 лет. Чтобы потом по возможности меньше сожалеть о зазря прошедшей молодости, я взял в библиотеке книгу Хессина «Ленин о товарном производстве», быстренько передрал в свой доклад основные тезисы, даже не вникая в суть, и пришел на занятие, в надежде, что наш преподаватель «полимарксоса», старенький полковник, как обычно, будет спать на своем стуле, пока я его читаю.

Я добросовестно прочитал свое «произведение», полковник добросовестно мое выступление проспал, впрочем, как и остальные слушатели – мои однокашники, а потом и говорит:
– Вы неплохо законспектировали Хессина. Ну и как, по-вашему, считал Ленин? Должно быть при социализме товарное производство или нет?
Хоть и 19 мне тогда было, но все же я тот доклад и писал, и читал – хоть что-то в голове осталось:
– Нет, - говорю, – не должно быть при социализме товарного производства!
– А сегодня в нашей стране, в период развитого социализма, оно есть?
Видать, не такая уж и пустая была голова.
– Есть, – говорю, хотя уже не так уверенно.
– Ну, и как совместить эти два ваших утверждения?
Я никак не мог совместить их. Сказать, что товарных отношений нет, я не мог, так как видел их в реальной жизни. Ну, а о том, что вождь, видимо, что-то не то

брякнул, я не мог даже и подумать. Затянувшееся молчание прервал преподаватель:
– Совместить их можно очень просто: и Ленин кое в чем ошибался.

Отмучившись с докладом, я до сего времени не возвращался к «товарному производству при социализме». Должно оно там быть – не должно… Но есть предположение: построили что-то не то, а потом, когда увидели, что получилось, куда было деваться? Свалили все на вождя: «не ошибается тот, кто ничего не делает». А уже в наше время, из современного учебника политэкономии, узнал, что нет у экономистов общепризнанного ответа на вопрос: «а был ли социализм?»

Договорились считать, что был, так как был соцлагерь и противостояние двух систем, но вопросы остались. То, что мы имели, сильно отличалось от того, что было описано в теории социализма. Если все средства производства принадлежат государству, но товарное производство никуда не делось, то это что? Государственный капитализм? Капитализм с максимально возможной монополизацией?

Россия, начавшая свои реформы в начале девяностых на основе неолиберализма, постепенно ушла от него в сторону и обогнала другие страны в степени участия государства в экономике. В учебнике «Мировая экономика» М. Пашковской и Ю. Господарика говорится о том, что по оценке Минэкономразвития в 2013 году доля госсектора в экономике РФ достигла 50%, а по оценке МВФ 2014 года – свыше 70%. Это 8 госкорпораций, 2 компании, по функциям своим напоминающие госкорпорации, компании, значительная часть акций которых принадлежит государству. Для всего этого созданы специальные условия,

эти отрасли и предприятия не находятся в конкурентной среде. Такое участие государства в экономике, по мнению авторов, чрезмерно и ведет к неэффективности управления и расцвету коррупции. Собственно, я не собираюсь это оспаривать: абсолютно согласен, что везде, где нет настоящего собственника, будут красть и неэффективно управлять. Но меры, ведущие к повышению участия государства в экономике – меры вынужденные. Если бы не были созданы госкорпорации в судо- и авиастроении, атомной промышленности, нефтегазовой отрасли, были бы сегодня они вообще, эти отрасли? Смог бы собственник эффективно управлять после того, как свободная конкуренция похоронила бы все эти отрасли, как похоронила, например, российское станкостроение, где не была создана госкорпорация? Где оно сегодня?

По-моему, можно говорить о том, что повышение участия государства в российской экономике – новый подход, вызревший в неолиберальные девяностые, когда разваливались – если не сказать, развалились – все отрасли. И судя по тому, что сегодня это – пусть кто-то говорит: «Неэффективно!», но работает, подход правильный. Для того, чтобы повышать эффективность чего-то, это «что-то» для начала должно быть.

В России, по этим оценкам, рекордная доля государства в экономике. Но в других экономиках участие государства тоже присутствует, и участие это возрастает. И все это происходит тоже вынужденно. Почему все сельское хозяйство США сидит на дотации? Да потому, что, с одной стороны, оно неконкурентоспособно на мировом рынке, и если ему не помогать, рынок в лице вьетнамца с тяпкой его убьет. Но допустить это нельзя, так как собственное сельхозпроизводство – вопрос национальной безопасности.

Сегодня в Бельгии, Голландии, Скандинавских странах, государством перераспределяется половина ВВП, в Австрии, США, Японии – до трети. В США 60% ВВП связано с госзакупками. В экономике Германии госсектор – 30%. И ко всему этому экономисты нормально относятся и не говорят о неэффективности управления, например, в третьей части экономики Германии. Экономика сегодня – смешанная, представляет собой взаимодействие двух секторов – планирующего и рыночного. Рынок в результате развития общества стал регулируемым. Государство вмешивается в экономику, но старается делать это так, чтобы не разрушить рыночный механизм, не уничтожить мотивацию к труду и предпринимательству. П. Самуэльсон: «Конкуренция – везде, где возможно, регулирование – везде, где необходимо». Такую экономику мир имеет сегодня. А еще он имеет кризис – Не Великую депрессию, конечно, но все равно кризис. Экономисты ожидают его усиления и на фоне этого рассуждают о том, что неолиберализм себя изжил, спорят о том, что должно прийти ему на смену.

По-моему, можно сделать однозначный вывод: если неолиберализм с его минимизацией вмешательства государства в экономику себя изжил, то на повестке дня стоит усиление этого вмешательства. Вопрос «всего лишь» в том, до каких пределов.

Экономическая теория говорит о том, что отличительной чертой рыночной экономики является многообразие форм собственности при преобладании частной, а отличительной чертой административно-командной экономической системы является госсобственность на практически все экономические ресурсы. При этом в экономической теории

ничего не сказано о системе, в которой количество госсобственности между этими показателями: государству принадлежат не все экономические ресурсы, но бóльшая их часть. Хотя нет, сказано: если в Российской экономике доля госсектора действительно 70%, то это именно такая экономика. И о ней сказано, что она не свободна и неэффективна, хотя это далеко не общепризнанные оценки. Но она не выделена как некий особый тип экономики, не отвечающий критериям рыночной. Она достаточно устойчива и имеет неплохие перспективы, если, конечно, не считать ее главной целью победу в экономическом соревновании с другими экономиками. До какой стадии должен дойти современный кризис неолиберализма, чтобы экономисты подумали о такой экономике как возможном варианте выхода из кризиса? Прибавим к текущему кризису будущий, связанный с внедрением робототехники, который потребует еще большего вмешательства государства в экономику, вспомним о грядущей катастрофе, вызванной выходом за пределы роста, которая потребует от государства чрезвычайных экономических мер, вплоть до введения жесткого контроля и централизованного распределения. Зачем ждать, пока все эти кризисы подтолкнут экономику под управление государства, когда сейчас такой благоприятный момент для бескризисного начала движения в эту сторону: мы точно знаем, что роботизация начнется буквально завтра, и государство не пускает ее на самотек, а возглавляет, заранее готовясь к предстоящим кризисам.

Есть и еще один, я бы сказал, неожиданный аспект во внедрении робототехники. Это внедрение сделает «лишними» массы людей, но есть страны, где массы людей вовсе не лишние – Россия, например. Страна буквально воюет на демографическом фронте, пытаясь обеспечить

себя на будущее необходимым количеством работников для обеспечения достатка своему стареющему населению. Так вот же оно, направление главного удара в демографической войне: само государство произведет себе столько работников, сколько надо, и они станут работать на все общество, а не на роботовладельца. Может, и пенсионную реформу можно будет назад отмотать?

Но давайте вернемся к основной теме: пределам роста. Бывшие советские граждане хорошо помнят, что государственное управление производством не особенно эффективно. Но эффективность-то нужна для роста. Для сдерживания роста его эффективности может оказаться достаточно. Всего-то нужно обеспечить уровень жизни европейца, стоящего на пороге нищеты и испытывающего материальную обездоленность. Кроме того, задача существенно упрощается по сравнению с советскими временами, так как на производстве будет практически отсутствовать человеческий фактор. Опять же, значительный рост госсобственности не означает запрета на все остальные виды собственности: где смогут – пусть живут.

Государство, реализовавшее такую программу, получит преимущества перед другими именно в период выхода мира за пределы роста:

1. Одновременно с возможностью регулирования производства и потребления, а следовательно, ограничения роста и даже снижения, получаем снижение возможности протеста населения, т.к. значительная часть граждан – не свободные субъекты рынка, а люди, нанятые государством, а значит, находящиеся на гособеспечении. Человек, не перестав быть «экономическим», исходя из личных интересов,

не будет протестовать, а будет делать карьеру на госслужбе, то есть, действовать в интересах общества, главный из которых – минимизация последствий цивилизационной катастрофы в отдельно взятой стране.

2. Государство, сосредоточившее в своих руках такой мощный и дешевый в свете роботизации ресурс, как производство большинства товаров, может направить силы общества на масштабные национальные проекты. Например, строительство альтернативной энергетики в период, когда она не конкурентоспособна против традиционной, природоохранные проекты, не предполагающие рентабельности. Примерно то же, что было в период советской индустриализации, только без насилия и голода. Конечно, можно спорить о личностных качествах тогдашних руководителей, их кровожадности, жажде власти, неумении руководить при помощи ненасильственных методов, но были ли в их распоряжении ресурсы, чтобы не заставить силой, а нанять по-хорошему массы на решение стоявших перед страной задач? Если бы тогда в распоряжении руководства СССР была армия роботов, производящих все, что нужно населению, может, и кровожадности у них стало бы меньше?
3. Жизнь в обществе, ориентированном на сбережение среды обитания, будет воспитывать человека, а он, как мы помним, не бесперспективен в этом отношении. Как знать, может, в таком обществе людей, хвастающих своей скромностью, будет много больше, чем один я? Этакое «демонстративное потребление наоборот».
4. Да, первоначальное ограничение роста происходит фактически насильно, против воли общества. Но в результате этого происходит первичное отставание от

остального мира в приближении к пределам, при условии, конечно, что собственных ресурсов достаточно. А дальше сравнение такой «ньюсовковой» действительности с повсеместным кризисом за рубежом, когда другие государства будут безуспешно пытаться обеспечить требуемый демократическим обществом рост, преодолев пределы с помощью отрицательных процентных ставок и еще каких-то бесполезных мер, не будут знать, что делать с обнищанием масс вследствие роботизации, не будут иметь средства на ликвидацию последствий нарастающих экологических бедствий, может привести к консолидации общества вокруг идеи самоограничения. Чтобы общество согласилось на самоограничение, достаточно увидеть наглядный пример: что бывает с обществом, которое на него не согласилось.

КИТАЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Китай, как мне кажется, заслуживает отдельного разговора в свете выхода за пределы роста. И не только потому, что это огромная страна с самым большим населением и первой экономикой. С первой, с первой… Давайте уже признаем очевидное. Главное его отличие – ограниченность демократии.

Уже не одно десятилетие Компартия Китая проводит цепь реформ, и весь мир понимает, что проводит успешно. Многие экономисты считают, что успех этот стал возможен именно благодаря ограниченности демократии, так как позволяет выдержать одну линию продолжительное время, не сильно оглядываясь на настроения в обществе.

Открыв Программу Компартии Китая, видим, что главная декларируемая цель – «построение коммунизма с китайской спецификой». Однако, о том что это такое, в Программе не уточнено. Ну что ж, бывает. В программе КПСС цель – построение коммунизма – тоже была указана. А вот о том, что такое коммунизм (черты его, основные принципы и способ построения), надо было читать в других источниках: работах основоположников, учебниках, еще где-то.

Я китайских документов об их коммунизме, переведенных на русский, не нашел. И не я один. И не только на русский. Если изучить то, что написано по этой теме другими, можно сделать однозначный вывод: подробно о том, что такое коммунизм с китайской спецификой, ничего нигде не написано. О социализме с китайской спецификой, не очень развитая фаза которого уже построена, а развитая будет построена через несколько десятилетий, написано. Написано, что это социализм с рыночной экономикой, то есть капиталистический социализм. И далее, не найдя никаких разъяснений по поводу дальнейших преобразований, видя современную экономическую политику Китая и политику партийного строительства, (в руководстве партии уже присутствует миллиардер, а среди простых членов богатых скоро будет больше, чем рабочих и крестьян), все, именно все исследователи этого вопроса делают вывод: коммунистическое руководство Китая решило коммунистическую идею «слить». То есть на деле происходит плановый и плавный, без революционных потрясений и завалов экономики, переход от плановой экономики к рыночной. Но для пользы дела, а также, из естественного стремления любой власти подольше сохранить свою власть, всеми доступными недемократическими мерами сохраняется ведущая роль

КПК. А чтобы совместить эти несовместимые вещи, приходится мести пургу: «социалистический капитализм как китайская специфика».

Я же предлагаю вспомнить опыт построения социализма в СССР, а именно – тот период, когда для преодоления текущих временных трудностей в экономике было принято решение отступить на время от основополагающих принципов – период НЭПа. И вот мое предположение: китайский капиталистический социализм – не что иное, как НЭП с китайской спецификой.

Временный переход к рыночной экономике позволяет Китаю решить ряд своих текущих экономических задач: индустриализация, достижение мирового экономического первенства, проведение всех назревших технических революций, поднятие уровня жизни населения на достойный уровень, накопление золотовалютных резервов. А дальше? Да, возврат к строительству коммунизма, только на гораздо более мощном фундаменте. Буржуинов поставят перед выбором – партбилет или кошелек! Народ, получив в придачу к приличному уровню жизни еще и резкое снижение расслоения по имущественному признаку, возможно, почувствует счастье. И для таких маневров у них есть главное: безраздельная власть КПК. Для чего они строят целые города, все квартиры в которых стоят пустыми из-за, как утверждают журналисты, космических цен на них? Может, это ресурс для будущей распределительной системы? Как народ не поддержит возврат к коммунистическому пути развития, если при переходе начнут раздавать новое жилье, купить которое при капитализме было невозможно?

И вот еще что. Если мое предположение верно, то нигде, ни на каком языке не должно быть написано, что такое на самом деле коммунизм с китайской спецификой и каким способом его собираются строить. А если и написано, то надежно засекречено, чтобы народ спокойно строил первую в мире экономику, инвесторы, в том числе и иностранные, вкладывали в эту экономику побольше денег, не зная, что все это – временная экономическая политика. А идеологи партии должны рассказывать что-то такое, чтобы весь мир не сомневался, что коммунизм они «слили» и строят обычную рыночную экономику. Вот для этого и придумали «капиталистический социализм». Я вот не помню из истории и литературы: наших, советских нэпманов, предупреждали, что после преодоления временных трудностей в экономике, их всех уничтожат как класс?

Я, конечно, не до конца уверен в правильности моего предположения, но если оно верно, то такой китайский путь – лучшее, что можно придумать в эпоху выхода за пределы роста. Имея хорошую экономику, запасы на будущее в виде неиспользуемых городов, не сильно развращенное богатством население, возможность направлять общество на решение долгосрочных национальных задач вследствие отсутствия постоянной процедуры выборов, можно успешно противостоять последствиям выхода за пределы в одной отдельно взятой стране, директивно перенацелив общество с роста на сдерживание.

Опять разболтал все секреты? Так китайцам-то я точно никаких подписок не давал.

ПОЛИГРАФ

Вопрос, казалось бы, никакого отношения к пределам роста, экологическим проблемам и грядущей катастрофе не имеющий: борьба с преступностью. Абсолютно никакого. Но...

Какую часть ВВП страны составляют товары и услуги, приобретенные на ворованные деньги? Причем, это ведь именно те «самые дорогостоящие блага». Да, любой человек, как сказано у классиков политэкономии, готов их немедленно употребить, но получается это сделать немедленно только у вора, так как честным трудом «немедленно» ничего не заработаешь. Люди оттого и воруют, что хотят употребить именно их, и именно немедленно. Шикует-то, как известно, в основном ворье, нажитое трудом на ветер не выбрасывают, заработанными деньгами не сорят.

Если представить, что все вдруг перестали воровать, то автоматически сократится потребление, а потом и производство именно тех самых дорогих благ, которые втюхивают нам корпорации, и без которых можно легко обойтись. Снизится накал борьбы в демонстративном потреблении, замедлится общий рост потребностей.

Шикуют не только «классические» воры, – насквозь уголовные бандиты и мошенники. Среди «потребителей первого сорта» масса чиновников, которые хапнули у государства или при помощи государства. Если представить, что эти вдруг перестали красть, то к эффекту от общего снижения самых неразумных потребностей в обществе, типа потребности иметь несметное количество сверхдорогих наручных часов, прибавится еще и эффект от

повышения эффективности управления, так как не крадущий чиновник, движимый, как и положено, личным интересом, заинтересован уже не хапнуть и убежать, а сделать карьеру, то есть его внимание переключается с воровства на выполнение обязанностей. Плюс к этому – эффект от общего возрастания компетенции управленцев. Ведь сейчас на смену опытным, но севшим за воровство чиновникам постоянно приходят молодые и неопытные. Да еще в бюджете будет оставаться больше денег, столь необходимых для реализации национальных экологических проектов.

Представители бизнеса тоже любят потреблять самые дорогостоящие блага, без которых легко обойтись. Тут, вроде бы, все нормально. Это мотивация, благодаря которой человек и идет в бизнес, и там, в бизнесе, будучи эгоистом и действуя исключительно в личных целях, благодаря рыночному механизму усердно работает на общество. Но, если судить по российскому бизнесу, он действует и во вред. Он подсовывает воду в мясо, сою в сметану и еще много чего во все, что только можно. Он выбрасывает в окружающую среду все, что может безнаказанно выбросить, и тут уже не просто ворует, а разрушает среду. Так что, если перестанет воровать бизнес, то к общему снижению потребления вследствие замедления потребительской гонки прибавится еще и положительный экологический эффект.

Ну и, наконец, главный «экологический» эффект от победы над воровством – воспитание нового человека. В обществе, где существенно снизилось демонстративное потребление, имущественное расслоение, возросло доверие к власти, людей легче будет объединить вокруг идеи снижения потребления ради выживания.

Так что говорить о борьбе с воровством в контексте проблемы выхода за пределы вполне уместно. Я и говорю, но не для того, чтобы призвать не красть, или усилить меры противодействия, а потому, что, на мой взгляд, в юриспруденции назрела революция, которая способна заставить людей не красть. Как сказал бы Маркс: «Призрак бродит по юриспруденции. Призрак полиграфа!»

Он уже стал частью нашей жизни. На телевидении идут шоу, где детектор лжи в прямом эфире выводит на чистую воду завравшихся подлецов, обычным стал отказ в приеме на работу по итогам проверки на полиграфе. Используется он и в суде. Но только как-то не на полную мощность.

Способность полиграфа отличить – надежно – правду от лжи играет в современном состязательном судебном процессе лишь второстепенную, если не третьестепенную или вообще не значимую роль. Можно, будучи истцом или ответчиком, добровольно дать показания под полиграфом, отчего показания станут чуток правдивее, то есть немного более значимы для судебного соревнования. А истину, как и положено, будут устанавливать по итогам соревнования. Соревнование в судебном процессе незыблемо. Соревновательный процесс – лучшее, что придумал человеческий разум в области юриспруденции. Все юристы впитывают этот основополагающий постулат на первом курсе института, и на нем базируется все дальнейшее обучение, включая и правила использования полиграфа в этом процессе.

Сегодня полиграф используется и в розыскной деятельности, и в суде в ходе уголовных и гражданских процессов, но…

1. Есть вердикт Верховного Суда РФ о недопущении использования результатов экспертизы на полиграфе в качестве доказательств.
2. Согласно УПК, данные полиграфа не входят в число доказательств, имеющих значение для уголовного дела.
3. В оперативно-розыскной деятельности детектор может законно использоваться только тогда, когда нет другой возможности получить информацию, когда получение ее без полиграфа слишком дорого, когда получить информацию надо срочно.
4. В суде исследование на детекторе назначается при неустранимых противоречиях между показаниями, либо когда участник процесса сам просит подвергнуть себя исследованию.
5. В любом случае использование полиграфа возможно лишь при согласии испытуемого – в противном случае это будет нарушение конституционных прав, т.к. «никто не может быть подвергнут медицинским или другим опытам».
6. Несмотря на то, что в Гражданском производстве, виновность лица, уклоняющегося от экспертизы, предполагается, отказ от экспертизы на полиграфе нигде даже не фиксируется.
7. И главное: в случае использования полиграфа в качестве полноценного доказательства процесс из соревновательного превратится в дознавательный, что противоречит основам современной юриспруденции.

Но человек, не отягощенный юридическим образованием, то есть тот, чье понимание не базируется на аксиомах многовековой давности запросто может спросить: а не лучше ли одно-единственное заключение детектора всех судебных соревнований? Может, уже не соревновательный принцип, а детектор есть лучшее, что придумал

человеческий разум в области юриспруденции? Не пора ли воспользоваться этим лучшим и от соревновательного принципа в суде перейти к детекторному? Ведь в свое время соревновательный метод установления истины пришел на смену пыточному не только из соображений гуманизма. Пытка не давала гарантии, что установленная истина – истина, а детектор в отличие от первых двух способов дает, да еще и гуманизма прибавляет, так как современное насквозь лживое правосудие наносит людям страшные моральные травмы.

Обычный суд. Две противоборствующие стороны. Одна утверждает, что дело было так, а другая – что наоборот. Кто-то врет. То есть, половина всех участвующих в судебных процессах специально приходит в суд для того, чтобы наврать, а потом с помощью адвокатов, не совсем искренних или совсем не искренних свидетелей, утаивания фактов и еще многих нечестных ухищрений убедить суд в том, что навранное – правда. Ну, а получится или нет – это уже зависит от мастерства адвокатов, неподкупности судей… От соревнования. Победил в соревновании – значит, прав. По вердикту суда прав. Вне зависимости от того, прав ли на самом деле.

А вот суд, работающий по детекторному принципу… Одна сторона рассказала, как было дело, и детектор подтвердил, что это так и было. А что другая сторона? Да не пришла она. Стоит выстраивать линии защиты или нападения, системы доказательств, нанимать лучших адвокатов и вообще куда-то идти, если все это в секунду обесценится вердиктом полиграфа: «ложь»? В детекторный суд половина народу судиться просто не придет.

Еще один аспект судопроизводства, в котором соревнование практически беспомощно, а детектор безупречен. Очень часто, если не всегда, крайне важно определить: а был ли умысел? Преднамеренное убийство сильно отличается от непреднамеренного. Предвидел человек возможные последствия своего действия (или бездействия) или даже не догадывался? Хотел – не хотел, знал – не знал, догадывался – не догадывался, сегодня приходится судить по действиям, могущим свидетельствовать об этом: в мозг-то не влезешь. А с детектором – влезешь.

Разумеется, все до единого нынешние юристы против детекторного правосудия: сказывается образование и впитанные вместе с ним многовековые догмы. Но не только. Имеется и шкурный интерес. Кому станут нужны полчища следователей, судей и адвокатов, если всю их работу сделает дешевый и неподкупный прибор, да к тому же еще половина народа в суд не придет? Несовершенство правосудия – кормовая база для воров, а соревновательный принцип - для юристов. Так что мнение воров и юристов в данном вопросе можно не учитывать. Кто-нибудь будет учитывать мнение профессионального водителя, заменяя его автопилотом? Почему бы именно с юристов не начать повсеместную замену человека на робота, раз уж первого техника превзошла в профессиональном плане именно юриста?

Конечно, юристы напомнят о том, что обязательная дача показаний под полиграфом – нарушение прав и свобод. Но ведь они не против, например, освидетельствования водителей на алкоголь. И не против считать отказ от освидетельствования фактом, равнозначным по последствиям наличию алкоголя в крови. Когда речь не

идет об их собственной кормовой базе, они готовы нарушить слегка права и свободы ради пользы дела.

Детектор – революция не только в юриспруденции. Он еще и революция в воспитании. Представьте: все еще в детстве впитали самое главное в жизни правило: врать бесполезно. Это же будет совсем другое общество и совсем другая жизнь!

Я нашел только одно настоящее, техническое препятствие полноценного, обязательного и принудительного использования полиграфа в следствии и суде. Некоторые специалисты утверждают, что иногда повторное исследование дает противоположный результат. Но вопрос этот действительно технический. Если все участники процесса прошли не только экспертизу, но и повторную экспертизу, то те редкие результаты, где результаты первый и второй противоречат друг другу, доказательствами являться не будут. Достаточно будет показаний других участников. В конце концов, в этих редких случаях можно перейти обратно на соревновательный принцип. Только таких случаев будет ничтожное количество: половина народу-то в суд вообще не придет.

ВРЕМЯ ОСОЗНАНИЯ

Итак, я тут, как видите, набросал вкратце списочек срочно необходимых революций. Что это изменило? Мир по-прежнему уверенно движется по «сценарию номер один», все ускоряя темп. Революционной ситуации что-то не чувствуется ни на одном из направлений.
.

Революционная ситуация – это, когда «верхи не могут, а низы не хотят». Сегодня ничего подобного не наблюдается. То есть сегодня, когда еще не совсем поздно, ничего сделать нельзя.

На траектории роста между точкой «сейчас» и точкой максимального роста есть еще одна точка. В ней ничего не происходит с траекторией, ее невозможно будет отследить по экономическим или каким-то еще объективным показателям, но она очень важна, эта точка. И мы в нее непременно прибудем. Это время массового осознания того, что катастрофа не «возможно, случится в неопределенном будущем», а «непременно случится в ближайшем».

Сегодня процент людей, озабоченных данной проблематикой, незначителен. Основная масса населения, включая и тех, кто изучил в рамках программы обучения в вузе «Пределы роста» (это имеет место), считает катастрофу либо делом далекого будущего, либо опасностью, которую человечеству удастся каким-то образом избежать, либо же относится к ней как к процессу глобального, вселенского масштаба, повлиять на который не может не только человек, но и все человечество, – то есть как к делу, не касающемуся именно меня и именно сейчас. Но время идет. По мере того, как среда будет наращивать свое сопротивление росту, экологические проблемы, такие, как изменение климата, станут все более заметны в повседневной жизни, по мере нарастания озабоченности СМИ, общественных организаций данными проблемами, количество людей, испытывающих озабоченность, или даже страх перед будущим, будет возрастать. Кроме того, сменяются поколения. На смену тем, которые до катастрофы не дотянут (на наш век хватит), приходит то, которому при катастрофе жить. Оно взрослеет, умнеет,

строит семьи и планы на будущее… В какой-то момент это поколение осознает, что его планы – личные планы каждого – под большим вопросом из-за глобальных проблем.

Что это меняет?

Массовая озабоченность проблемой неизбежно приведет к появлению политических партий, т.е. программ преодоления последствий выхода за пределы.

Стран много. Где-то такие партии появятся, а где-то – нет. Там, где появятся, где-то придут к власти, а где-то нет. Из тех, что придут: у одних программы будут действенные, а у других – нет. С хорошей программой можно заниматься спасением нации, а можно под этим лозунгом заниматься личным обогащением, повышая шансы собственного спасения. Но в любом случае начнется поиск путей спасения, в который будут вовлечены массы населения и руководство стран, то есть будет запущен процесс в общественной жизни, который, возможно, приведет к конкретным действиям по спасению. Возможно. Неизвестно, к чему он приведет, но, возможно, есть шанс. То есть, время осознания – это точка, в которой может быть включен механизм спасения.
Когда это случится? Лучше всего, если сегодня – тогда на подготовку к катастрофе остается время. Но сегодня – исключено. Каждый отдельный человек не видит явных признаков надвигающейся катастрофы. А увидит он их только в точке явного замедления роста. Не очередного экономического кризиса, а полосы кризисов, стабильного долговременного ухудшения во всех сферах – экономической, экологической, социальной – без перспективы из этой полосы выйти. Тут уж массовое осознание случится само собой, но изменить это уже ничего

не сможет, так как это и есть момент начала катастрофы. Значит, единственное, что можно сделать для спасения сегодня – это приблизить время осознания.

Как? Да просто! Кричать на каждом шагу! Ко мне осознание пришло, меня это волнует – я пишу. Кроме того, при любом удобном и неудобном поводе поднимаю эту тему в разговоре с кем бы то ни было. Но круг моего общения – и как человека, и как писателя – не широк, и вынужден констатировать, что от этого он становится еще уже, многие перестают с таким мной общаться. А есть ведь люди, которых слушают миллионы. Есть, например, авторы популярных телепрограмм. Конечно, если популярный телеведущий вместо развлечения своих зрителей начнет нудить о пределах роста, то его популярность на этом и закончится. Но ведь можно вворачивать «пределы» в свою тематику дозировано, чтобы и популярность не страдала, и «пределы» пропагандировались. Сколько в мире режиссеров, на чей фильм народ попрет независимо от того, о чем фильм? А ведь, наверное, про «пределы» можно снять фильм так, чтобы это была не лекция или призыв к жертвам во имя светлого будущего, а интересно. Чтобы зритель не просто услышал мысль, а почувствовал ее, ярко и остро. Или написать книгу – обязательно художественную и жутко интересную, чтобы миллионы зачитывались. Книжки с картинками тут мало, надо еще красочнее. Ту жвачку, которую озабоченные пределами люди – «предельно озабоченные» – жуют уже пятьдесят лет, для массового потребления надо подать на роскошный стол, на красивой посуде, непременно с соусами и вином, чтобы все это попробовали, проглотили и усвоили, даже не поняв, что потрудились мозгами. Сам пытался – безрезультатно. Тут ведь вот еще что: написать-то нужно, в первую очередь – для молодежи. А что я могу для них написать, если засыпаю

от обожаемого ими «Гарри Поттера» или «Человека-паука», а они – от того, что люблю я? Конечно, я талантлив, даже очень. Но таланта тут мало. Нужен гений. Гении! Смотрите, какое непаханое поле для вашей гениальности! Оставьте, наконец, межгалактические войны, пришельцев, пиратов и прочий бред. Мир за «пределами» – вот тема!

Отдельно хочу обратиться к «зеленым». Ваших партий – пруд пруди. Только в России три штуки. Почему бы какой-нибудь из них не выделиться из общей массы, заявив, что «зеленое» движение способно решать лишь частные, мелкие экологические проблемы, тогда как надвигается глобальная – пределы роста. И в то время, как остальных «зеленых» уже давно никто не слушает, начать кричать о «пределах», используя возможности выборных кампаний.

Причем что важно: сейчас, когда потенциальных потребителей этих «криков» совсем мало, заниматься популяризацией «пределов» можно либо бескорыстно, либо себе в убыток. Поэтому занимаются этим лишь «больные пределами» люди. Но ведь вознаграждение может быть не обязательно материальным. Как, например, такая

Картинка СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ НА ПУТИ ИСПРАВЛЕНИЯ

Старый наш знакомый, покинув лимузин и поднявшись в апартаменты на верхних этажах своего небоскреба, растянулся в кресле, тяпнул коньячку и подумал, глядя на распростертый внизу город и проплывающие мимо облака: «Кто я такой, прости Господи?! Миллиардер… Миллиардеришко, один из сотен живущих на Земле миллиардеров. Не самый бедный, не самый богатый. Так, никакой. Сейчас, конечно, жизнь вокруг меня кипит, всем

от меня что-то надо. Но надо не меня – деньги. Не любит никто. А не любят – все. Родственнички только и мечтают: «Поскорей бы он уже скопырдился, да начать миллиарды пилить!». Помру – миллиарды мои найдут новых хозяев, а обо мне никто и не вспомнит. Кто же это сказал-то, что если человек всю жизнь делал деньги, то больше двух дат – рождения и смерти – ничего не заслужил на своем надгробии. Кто-то из великих. А еще один умник – Киря какой-то – написал про моральный облик миллиардеров: «Жадные, завистливые, самовлюбленные выпендрежники… За душой много, в душе – пусто. Хапуги ненасытные!» Так что даты поставят, наследство поделят и забудут. А жаль! Вот если бы самым-самым богатым стать, тогда другое дело. Но попробуй стань. А может, в президенты? Так опять же, не я первый. Да и поминают президентов не всегда добрым словом… А ну еще, как не получится? Засмеют!

И вдруг… Вот же оно! На поверхности! Все реально, надежно, достижимо. Беру все свои миллиарды и бросаю на спасение человечества! Ух ты!..

А что конкретно?

1. Заказываю группе ученых новое исследование по «пределам». А лучше несколько групп и несколько исследований.
2. Заказываю нескольким группам специалистов проект Мировой конституции.
3. Конкурс писательский – с хорошим призом, конечно. Кто же, как не писатели, должны убедить людей жить поскромнее?
4. «Предельный» кинофестиваль.
5. «Предельный» телеканал.

6.Создать новый экономический институт с совершенно четкой задачей: разработка теории плавного ненасильственного перехода от рыночной экономики к плановой для снижения производства и потребления, обеспечения исключительно разумных, естественных, «низших» потребностей.

Да после такого каким же должно быть мое надгробье, чтобы на нем между датами уместилась вся благодарность человечества!

А не выйдет ничего со спасением – так и черт с ним, с человечеством этим! Разбазарив деньги на «спасение», я уже стану Первым! Неповторимым! Великим!»

…Один лишь человек перестал быть беспредельным оптимистом, став «предельно» озабоченным, а уже пара миллиардов появилась на «предельные» дела. А по мере увеличения количества людей, озабоченных «пределами», появится и спрос. На тематике можно будет зарабатывать. К делу приобщатся ничем не больные профессионалы – эгоисты, действующие в личных целях. Рынок-то никто не отменял… пока.

Может показаться, что я забыл, что дело мне есть только до одной страны, и я «глобализировался». Ничего подобного. Просто российский менталитет последних десятилетий – зависть к Западу, преклонение перед Западом, подражание Западу. И недоверие ко всему отечественному. В том числе и к любым мыслям и теориям: экономическим, экологическим – любым – рожденным не на Западе. Поэтому не надо здесь, в России, обсуждать возможные меры по отсрочке катастрофы у нас тихо, тайно, чтобы никто за бугром не слышал. Сегодня любая идея

относительно будущего развития, чтобы стать популярной в России, должна прийти с Запада. Пока на Западе не наступит массового осознания, в России надеяться на это не приходится. А разболтав им свои замыслы, мы ничем не рискуем. Они не смогут воспользоваться нашим планом, т.к. для них демократия, рынок, права человека – экономического – понятия святые. Они этими святынями не поступятся ни за что. А раз так, то их самоуничтожение в результате выхода за пределы, как я уже говорил, неизбежно.

Так что, «больные пределами», давайте криком и убеждением приближать время осознания в меру своих возможностей и таланта. Это единственное, что можно и нужно делать сегодня. В «Пределах роста» приведена цитата Маргарет Мид: «Никогда не сомневайтесь в том, что маленькая группа думающих граждан может изменить мир. На самом деле только так это и происходит». Хорошо сказано, но так происходит не всегда. За десятилетия существования «Пределов роста», эта группа, и не такая уж маленькая, если мы знаем, что «Пределы» изданы миллионными тиражами, ничего не смогла изменить. Но сможет, если сумеет убедить в своей правоте широкие массы. А это большая работа. В общем, думающие граждане, давайте работать. Кроме нас, некому.

Никакие авторские права не защищены. Любое использование без согласия автора приветствуется.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1

Картинка про баню……..1
- О «Пределах роста»…… 4
- Экологические экономисты…….. 21
- А может, ну его?.....25
- Кто?.....26
- Рынок……...28
- Экономическая теория……...30
- Экономическая практика……...40
- Государство…….51
- Экономический человек…….59
- Общий вывод……...79

Часть2

- Революция?.....80
- Конкурирующие национальные государства……...83
- «Нечаянное» снижение……...90
- Искусственная рабсила……...94
- Китайская специфика……109
- Полиграф……113
- Время осознания……119